

Ольга Щербинина

Волшебные истории
современные
были, былички, предания, легенды

Санкт-Петербург
2017

В книгу современной народной мифологии вошли сюжеты, собранные культурологом и фольклористом Ольгой Щербининой по деревням и селам Урала в 90-е годы XX века. Они записаны главным образом в районах Нижнего Тагила и Невьянска – поселений старинных заводов легендарного Демидова. Это былички, бывальщины про потустороннюю нечистую, но также и легенды про добрую и крестную силу. Устные рассказы до сих пор бытуют по исчезающим деревням – про оборотней, домовых, леших, про одержимых бесом, и в противовес – предания про крестную силу. Есть и сюжеты о таинственных пришельцах из других миров.

Во второй части книги автор рассказывает о мастерах народного творчества, обрядах, обычаях, привычках сельских жителей, обращается к истокам народных верований и традиций.

Автор включает в сборник два своих ранее не публиковавшихся остросюжетных психологических рассказа, посвященных мотивам дореволюционной России.

В публикации использованы иллюстрации к русским народным сказкам Ивана Яковлевича Билибина а также картины уральского художника Михаила Сажаева

Книга предназначена как фольклористам, культурологам, так и широкому кругу читателей.

Предисловие

Народ наш в годы трагического XX века уничтожался целыми классами: крестьянство, казачество, купечество... Что же стало с народной культурой? Исчезла ли она окончательно при советском тоталитарном режиме? Или только стыдливо затаилась, уйдя из красного угла в подпечек, хоронясь чужих глаз. Причем не только в фигуральном, а и самом прямом смысле: крестили ребят по избам всячески прячась. То, что прежде пышно расцветало на посиделках, в хороводах, обрядах свадеб, престольных праздников, оказалось униженным, запретным. Все это тщились напрочь вытеснить и заменить новыми советским обрядами, словно обряд – не то, что создается веками и притом стихийно.

И все же «прежнее» не ушло совсем из быта деревенского, о чем я пытаюсь рассказать в двух книжках – «Балалаечка играет» – припевки, присловья, частушки – и предлагаемый вниманию этот сборник быличек, бывальщин, легенд. Здесь же приводятся наблюдения, заметы о быте, нравах, обычаях и дается анализ собранного фольклорного материала, обращающий к обычаям и верованиям наших предков.

Урал освоен русскими в XVII веке при бурном строительстве промышленности по указанию Петра I. Скиты же отшельников, беглых раскольников и первых прочих насельников Урала – те возникли еще раньше. До того жили здесь вогульские племена, ныне обрусевшие, смешавшиеся с пришлым из Центральной России населением. Немало, однако, еще в конце прошлого столетия можно было найти деревень, где славянский тип сохранился во всей красе не только во внешнем облике, но и в старинных обычаях, песнях, припевках, сказаниях. Это по большей части сёла со значительным старообрядческим населением. Таковы поселения близ заводского Невьянска – Висим, Шайдурово, Таволги. Вот там в основном и обретала я фольклорное богатство – припевки о любви, истинные шедевры, изданные мною в книжке «Балалаечка играет», и былички в предлагаемой ныне книге, продолжающей тему устного народного творчества.

Приводимые здесь мифологические сюжеты, насколько удалось установить, оригинальны, т. е. в печати их не было, хотя варианты до сих пор живут в недрах народа. Совершенно новы легенды о неведомых пришельцах из других миров – из иномирья, с других планет? – которые я записала в 1992 году. Да и всё приведенное в

книжке записано тогда же, в конце века. А живо ли сейчас?.. Деревни наши исчезают...

Правда, жажда трансцендентного ныне расцвела пышным цветом, пусть и неся значительные издержки, интерес к мифологии возрос. И хотя мы не станем воспринимать старинные легенды и предания с прежней наивной верой, зато можем почувствовать неоднородность, неоднозначность мира, таящего неизмеримо больше того, что можно постичь разумом. Главное же, устное народное творчество помогает прикоснуться к истокам нашей культуры, этики, миропонимания.

Хочу с благодарностью помянуть добрым словом рассказчиков и песенников, чьи имена значатся в моих сборниках народного творчества.

Ольга Щербинина

Петербург, 2017

Неведомые силы

*«Все гении тяготеют к пре-мирному.
Не есть ли преддверие этой черты – то,
что и все люди тяготеют к необыкновенному,
странному, ужасному даже...»*

В.В. Розанов

I. Обратни

Сивая кобылица

В деревне Первомайка, еще когда бабушка моя была в девках, Петр Уварыч издалека привез себе жену. Он служил в солдатах целых 25 лет и откуда-то из Польши вывез эту жену с косою до пят.

И вот чудные дела стали твориться в деревне. По ночам бегают по улице сивая кобылица невиданной красоты с густой гривой, блестящей в лунном свете. Грива так и плещется на ветру! Кто ее увидит — к ней стремится, а она человека копытом убивает или калечит.

Как-то мужик заготовил с вечера хлыст и стегнул ее ночью по морде. Жена Петра Уварыча несколько дней не показывалась по воду, а когда вышла – на лице ее увидали шрам. Намекнула тогда Петру Уварычу про его жену, но он слушать ничего не хотел.

И вот мужики сковали железную цепь и ночью неводом поймали кобылицу да цепью и приковали ее к столбу. Утром встали: к столбу приковала та красавица, уже мертвая. И пышная коса треплется по ветру. Мужики стояли, понутив головы, жалея чудной ее красоты. А муж как увидел – проклял деревню и уехал вдаль на родину своей любимой жены.

Сюжет содержит отголоски древних ритуалов жертвоприношений дев некоему языческому божеству, позднее – чудовищу; сюжеты эти широко представлены в мифах народов мира. Невинная жертва – дева превратилась в христианстве в бесовку, а её преследователи в праведников: произошел своего рода «перевёртыш». При этом образ девы остается неоднозначным: прекрасным – и ужасным. Очень важно подчеркивание в облике девы длинных густых волос (об этом подробнее см. ниже в очерке «Огонь и волосы».)

Не случайно кобылица **сивая**: ср. с Сивкой-буркой – вещим кауркой. Сивый и бурый цвет – магический; здесь важна связь с серой (сивой) землей – объектом древних ритуалов земледельческой магии – и огнём (бурый – красноватый). Кроме того, сивый – это поседелый, убеленный сединами, мудрый, старый, быть может, бессмертный.

Из языческих времен сохраняется и сакральность столба. Ср. с сохранившимся присловьем «У воротного столба нету счастья никогда», где воротный столб – столб поворота судьбы, как и перекрёсток. (В сказках – «пойдешь направо... налево...»)

До начала XX столетия бытовало выражение «столбовая дорога» как главная, связующая, мирообразующая – подобно столбу-древу мира. Жертвенный языческий столб как прообраз мирового древа – ему-то, полагаю, и приносили жертвы в незапамятные времена – превратился со временем в позорный столб. К нему и привязали деву-оборотня.

Интересно в сюжете возникает Польша – страна далёкая, чуждая. Возможно, быличка рождена во времена русско-польской войны, когда католическая Польша тем более воспринималась как враждебная. В любом случае, это «страна незнаема», как пелось еще в «Слове о полку Игореве» о чуждых странах. Оттуда и могла явиться жена-оборотень, прекрасная и далекая, желанная и враждебная...

Необычно и то, что муж проклинает деревню и уходит прочь. См. об этом ниже очерк «Мистический брак и волшебная невеста».

Кобылица и Сивка-бурка

Послесловие фольклориста

Кобылица в фольклоре – воплощение дикой, необузданной стихии, романтической вольницы. Эту её ипостась воплотил Ершов в своем гениальном «Коньке-Горбунке». Вот как видит её стороживший ночью пшеницу от потоптания Иван:

Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась как стрела.
Вьётся кругом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном...

Иван покорил вольную диву из иного, волшебного мира, а та родила ему, как помним, Конька-Горбунка.

Наш волшебный конь – это Сивка-бурка вещей каурка.

Подозреваю, что мифический конь аль-Бурак, мгновенно по воздуху перенесший Магомета в Иерусалим, – родня русскому Сивке-бурке. Бурый, по свидетельству Даля, значит *красноватый, красный*. Этот же корень *бур* с тем же значением прослеживается в арабском языке. Оба коня — и аль-Бурак, и Сивка-бурка — описываются мифом как существа огненной природы, с искрами из

глаз, дымом из ушей и т. д.; оба летят по воздуху. Дело очевидно в общем источнике этого образа волшебного животного-помощника, едином архетипе, отразившемся в мифологии двух независимых друг от друга народов.

Замечу также, что слово *бор* в значении «сосновый строевой лес» (по Далю) разъясняется вполне в значении корня *бур-бор*. Бор – не место, где берут грибы и ягоды, как я предполагала прежде, (хоть и не была уверена: *бор* указывает скорее на процесс собирания, а не источник этого собирания). Бор, как вижу теперь, — это красноствольный лес, строй высоких сосен с их красно-бурыми стволами. Даль пишет о слове *бор* — «красный хвойный лес, преимущественно сосновый». Так что Сивка-бурка и бор — родственники. Причём не только по окрасу, но и по тому значению волшебства, какое придавалось в древности красному цвету, цвету огня.

Почему наш волшебный конь называется Сивка-бурка вещей каурка? Что тут происходит с этими сразу тремя цветами? А дело в том, уверена, что сивый – цвет земли и бурый – красноватый дают в итоге каурюю масть – коричневую. Вот огонь и земля – две главные стихии – и породили волшебное существо Каурку, соединившее в себе обе эти мирообразующие субстанции, и дали коню возможность летать по воздуху – третьей главной стихии Универсума. Конь-огонь! Огонь и воздух неразрывны, огонь и полёт над землёй – великое триединство.

Три цвета Сивки-бурки вещего каурки говорят о сакральном триединстве как основе единства мироздания. Очевидно, что священное значение триединства почиталось задолго до христианства, еще в язычестве. Здесь стоило бы рассмотреть Триглазку, значение пресловутого «третьего раза» в мифологических сюжетах, а также третьего часа (ночи), проникшего и в высокую литературу... (Три часа в «Пиковой даме», без пятнадцати три в повести Хармса «Старуха» и т. п. – о чем мне приходилось уже писать).

В приведенной выше народной легенде «Сивая кобылица» стихийную деву-кобылицу привязали к столбу. Это тоже знаменательно, ведь столб означает статику, становление (корень ста-сто), своего рода обуздывание стихии огня и полёта. Но огонь оказалось приручить невозможно – только убить...

Подробнее о символике столба как прообраза мирового древа см. выше в примечании.

Жена превращается в свинью

Бабушка рассказывала: у нее в родне кто-то женился, а жена какая-то странная была. И вот забегала по деревне свинушка и проказничает: где что опрокинет, где что съест, где подрует. А свекровь стала за невесткой примечать, что та ночью уходит. Сказала сыну. Тот стал жену за ногу к своей ноге привязывать. Уснет крепко, а та развяжется и убежит все равно.

Как-то бросили в эту свинью поленом и зашибли ей ногу. Вот эту жену-то и не стало видно в деревне. Спрашивают мужика: а где твоя жена? Почему не выходит?

– А у ней нога болит.

– Какая?

– Права.

– Так ведь это твоя жена и есть та проказливая свинья!

Мужик и отвез её назад в её деревню.

Свинья – нечистое животное. В народном лубке на свинье едет баба Яга. См. обложку книги с надписью на старославянском: «Яга баба едет с крокодилом (крокодиллом) дратися на свинье с пестом». Крокодила в русской деревне не видывали и не представляли, отсюда не реальный, а сказочный образ.

Оба сюжета – жены-кобылицы и жены-свиньи – распространены по всей России. Сюжеты родственны. Но если первый романтизирует образ прекрасной ведьмы-кобылицы огненного цвета, то в случае со свиньей сюжет снижен почти пародийно. Муж от жены в отличие от случая с прекрасной кобылицей в варианте свиньи с легкостью отрекается. Недостаточные доводы в пользу обращения женщины в свинью придают быличке курьезный оттенок, наводящий на мысли о предрассудках и суеверии.

Можно выразить сочувствие пострадавшей – скорее всего, попросту нелюбимой, пришедшейся не ко двору женщине.

А вот неприятие мужем легенды о превращении его жены в кобылицу, проклятие деревни и уход – мотивы, которые больше нигде не доводилось встречать. См. об этом подробнее ниже в очерке «Мистический брак и волшебная невеста».

Обе истории о превращениях жен записаны в деревне Шайдурово Невьянского района Свердловской области от Суслопаровой Марии Николаевны, деревенского поэта, знатока частушек. Подробнее о ней – в моей книжке «Балалаечка играет...»

Женщина-сорока

У моей свекровушки был свояк Миша Шурыгин. И он держал квартирантов мужа с женой, уже пожилых. Сам-то квартирант пимы подшивал, что ли. И вот его жена сорокой летала.

Однажды она ушла, обернулась сорокой и улетела. А тело свое (оставленное) прикрыла во дворе корытом. Дядя Миша рано, еще затемно пошел лошадь запрягать и ногой нечаянно своротил корыто. Утром бьется в окно сорока! Зима, сорок нигде нет, а тут вот она, бьется так и этак, прямо разбивается о стекло! Старик-квартирант и говорит:

—[Это моя ведь дура летат! – и пошел во двор корыто наладить. Наладил – она влетела в свое тело и сразу же вошл в избу. Это она сорокой-то и билась. «Моя ведь дура летат», говорит...

Потом она долго лежала- болела... ишь, раз не вовремя в тело-то свое попала...

Что дальше было? Миша им отказал: «Мне таких квартирантов не надо!»

Записала в селе Висим от Анны Александровны Петровой.

Характерно ласково-снисходительное, а в сущности одобрительное отношение мужа к колдовке-жене. Подробнее об этом феномене см. в очерке «Мистический брак и волшебная невеста» во второй части данной книги.

Птица Гамаюн. Лубок

Волшебные птицы – Сирин, Гамаюн – связывались в славянской мифологии прежде всего с женщинами. Это отношение к птицам отражает и язык: сорока, ворона, ласточка, синица – все в женском роде.

Былички о превращении женщин в сорок бытовали по всей России.

Баба со хвостом

Была я в девках, годов 12-ти. Как вечер, мне: – Задяргивай скоре окошко!

– А кто там?

– А баба ходит со хвостом!

Собрался народ её искать. А был умёт соломы намётан – это в Кунарах,* где магазин. А там был рабочий, у него не сохватывало. Он залезал в умёт- от, а идет – и солома за ним тянется. Вот и баба со хвостом!

**Кунары – деревня близ Невьянска.*

Записано от А.П. Новосёловой – учительницы, атеистки – в деревне Шайдурово.

Тут ни убавить ни прибавить. Сколько трагедий порождали суеверия... Не одна красавица была загублена тёмной дикостью крестьян, так что ирония сельских интеллигентов понятна. А все же сколько поэзии содержится в народных языческих верованиях, какой богатый пантеон фантастических существ!

Чёрный ягнёнок

Как-то, сметав последний зарод, муж с женой возвращались домой лесною дорогой. На душе было легко и спокойно: будут с сеном, с молоком. Солнышко садилось за зубцы ёлок, мужик погнался Коурку, и та бежала, весело потряхивая гривой.

Вдруг на поляне под мохнатой елью мужик с бабой увидели черного как смоль ягнёнка. «Вот так удача! Дай-ка возьмем ягненокка!» – и посадили находку на телегу. Чудно как-то взблеял ягненок и глянул сверкнувшими глазами. Видно, солнышко блеснуло в зрачках, – подумалось бабе, но по телу прошел озноб и смутная тяжесть сдавила душу. Мужик тоже зябко повел плечами и стегнул Коурку, чтобы добраться скорее. Но лошадь стало не узнать. Захрапев, она взвилась на дыбы, стала фыркать и не могла сдвинуть-

ся с места, будто на телеге оказалась неподъемная тяжесть. Ездоки чувствовали все сильнее давящую тоску, как бы предсмертное томление. Лошадь, вся в мыле, косила кровавым глазом и, казалось, вот-вот понесет не разбирая дороги... «Господи, да что же это такое!» – воскликнула баба и осенила себя крестным знаменем. В тот же миг чёрный баран соскочил с телеги и исчез.

В Толковом словаре В. Даля «чёрный» — нечистый, дьявол, чёрт — «олицетворение зла, враг рода человеческого, нечистый, не́кошный, чёрная сила, сатана, дьявол, лукавый» (Даль, 4, 597). В интерпретации представителей «мифологической школы» «слово черный, противоположность которого „белому“ так резко запечатлелась в предании о Чернобоге и Белобоге, употребляется как эпитет злых духов. <...> С черными божествами было соединяемо все старое, безобразное, лукавое и злое; они враждебны жизни и ее нравственным основам» (Аф. I, 99 – 101).

Барашек с горящими глазами

Было мне лет восемь или девять. Ходили мыс мамой по ягоды. Сели отдохнуть. Смотрим – ходит барашек. Такой красивый, сроду такого не видывали. Он к моим ногам ложится. Я его погладить хотела, но мать мою руку отвела: – Посмотри, какие у него глаза! – Я взглянула: правда ведь, глаза у него горят что у волка. Шерстка белая, шелковая, – а стать-то волчья! Или того похуже... Мать перекрестилась – и вмиг того барашка не стало, как и не было!

Пришли мы домой перепуганные. А через неделю пришла похоронка с фронта (Великой Отечественной войны) на моего старшего брата...

Записано от Марии Николаевны Суслопаровой их деревни шайдурово (как и «Чёрный ягнёнок» и «Сивая кобылица»).

Сюжет о чудесном барашке широко был распространён на Урале. Это вариант сюжета «волк в овечьей шкуре». Волк может выступать в ипостаси нечистой силы. Таковы волколаки или волкодлаки – люди, превращенные или по своей воле обращающиеся в волков.

Превращение в волков

... Раньше бывало: если не пригласишь колдуна на свадьбу или не одаришь его хорошо, то он превращал всю свадьбу в волков. Мне мама рассказывала: у них в Кунарах таких случаев много было. У ней даже какая-то родственница тоже вот не одарила, так год не могла даже вставать. И только когда одарили того человека (обидевшегося на нее злого колдуна), тогда она встала.

Записано в посёлке станции Таватуй от анонима.

Ком сала

Напротив нашего дома жила Зиновья, у ней был троюродный брат Данила. Раньше ведь ездили «стараться» (добывать золото кустарным – «старательским» способом). Вот он уедет на неделю, а к субботе домой. Вот как-то уехал Данило, и в 12 часов ночи открываются закрытые ставни и слышен на всю избу громкий голос: «Данилу затопило!» Стало быть, в шахте-то, в разрезе вода пошла. Все испугались, сидят не шевельнутся. На другой день тот же голос: «Данилу затопило! Идите выручайте!»

В субботу Данило приехал, ему рассказывают про этот случай. Он (в понедельник) и не поехал на работу: посмотреть что будет. И вот в полночь слышно: кони подъезжают ко двору, шум, ржанье лошадей, стук в ворота. Сами собой открываются закрытые на ночь ставни и слышно возглас: «Данилу затопило!» А он ведь дома. И он слышит это, и сам, и его семья – и жена, и дети.

Мужики сговорились назавтра: зарядили ружья солью да медными крестиками. И вот как эдак-то кони подъехали и опять в ворота застучали, они из ружей давай палить по ставням и по дверям. Тут страшный шум поднялся, заохало что-то, застучало – и смолкло. Вышли в сенки – а там большой ком сала лежит. Затопили баню – и сожгли его в печке.

Зиновья всё это видела в детстве сама.

Записано в городе Верхний Тагил от Клавдии Григорьевны Глинских. Необычный сюжет. Вредоносно орудует не само нечистое животное – представляет его часть: свиное сало.

Интересно, что нечистую силу отгоняют не только крестиками (медными, что тоже требует осмысления), но и более древним оберегом – солью. Соль, как и хлеб, – священна: хлеб-соль.

II. Бес обольщает женщину

Бес посватался

Девка была одна – и красавица, и работница. Но все свадьбы – мимо, женихи – мимо. Никто не сватается. В сердцах она и скажи:

«Хоть чёрт посватается – пойду!» И в тот же вечер кони вороные подкатывают ко крыльцу и трое заходят в дом, в чернёных полушубках, в шапках. Шапок не снимают. И вот сватают одного (из них) – молодого, чернявого, собой хорош. Мать девушки поклонилась гостям в ноги, да и заприметила у жениха-то

неладное... Вынесла икону и осенила ею дочь и жениха – так все гости в прах и рассыпались!

А это она копыта у жениха-то заприметила, когда в ноги поклонилась: ей-то неладно показалось, что они шапок (пред иконами в переднем углу) не снимали...

Повитуха у беса

А другую девку вот так-то и замуж выдали. Когда сватали, поставили (ее семье) условие: сейчас же увезем. Увезли (после свадьбы) – и с концами, никто ее больше не видел.

А у них в соседях жила бабка-повитуха, её хрѣсна. Вот как-то в полночь кони вороные остановились у крыльца – и входит в дом чернявый, молодой, собой красавец. В чёрном полушубке, в шапке: поедем!

– Надолго ли?

– Не знаю. Как родит.

– Ак ведь печь не истопилась, труба не закрыта.

– Всё будет управлено, не бойся. Собирайся скорее! Деньги дам большие.

Она и согласилась, видит, он всё равно не отстанет.

Конь летит без дороги, только храпит. Сперва-то знакомые луга были, а потом пни да буераки, да овраги... Вот уж света белого не видать... И вот стал конь как вкопанный. Частокол с острыми колыями, за ними терем. А в тереме-то молодуха рождает. Роды были тяжелые. Повитуха приняла мальчика. Вот чернявый и говорит: – Будешь жить здесь две недели. Пока она не поправится. А роженица это время ходит по краю между жизнью и смертью.

Повитуха осталась. В доме том никого нет кроме роженицы да хозяина, слуг не видно, а стол к обеду накрыт кем-то невидимым богато; все питья-яства наставлены, а после все чисто убрано.

– Хорошо тебе тут живется, крестница?

– Хорошо. Только одиноко.

Через две недели хозяин повез повитуху обратно. Днем повез, а как выехали за частокол – темно сделалось. Ночью и домой привез. Вошли в избу – а там как топилась печь, как догорало осиновое полено – вот-вот оно догорит и рассыплется. Кот лакал молоко на блюдечке, когда уезжали – так и доедает его. Будто прошла всего-то одна минута, как уехали.

Хозяин повитуху богато одарил и велел никому не говорить, где она была. «Только скажешь – умрѣшь!» Она всю жизнь и молчала,

а перед смертью рассказала.

Оба сюжета записаны в городе Богданович от Хлыстиковой Антонины Михайловны. Рассказы она поведала по памяти с давних слов своей покойной матери, уроженки деревни Каменный ключ Пермской области.

Чрезвычайно интересно в быличке смещение во времени: на «том свете» времени нет, поэтому всё происшедшее с женщиной длительно в иномирье в земном мире происходит за мгновенье. Провал во времени – распространенный феномен в мифологии разных народов, вошедший также в высокую литературу.

Фото из коллекции И.Я. Билибина

Козни дьявола

Моя бабушка Кристина Семёновна жила в деревне Первомайка Пышминского района. Она рассказывала нам прятчу (так произносит информатор – О.Щ.) Вот что она поведала нам:

... Была у меня сестра Анна, красавица. По любви они поженились с Иванушком, и он был ей под стать. Только недолго им довелось пожить, забрали Иванушку в солдаты. Раньше-то ведь шибко долго служили, вот и затосковала Аннушка. И заприметила я: стала она ночами с кем-то разговаривать. С лица спала, стала таять на глазах. «Дай-ка лягу с ней, посмотрю что будет!» Только сестра ей: – «Раз ты на койку, я в сени уйду (спать)». Так ничего и не признала.

Но вот нас с ней послали на покос с ночевой, там уж в шалаше надо спать рядом. Сплю рядом с сестрой, а сама держу ее за юбку, как мать наказала. Мы уж все догадались про неладное-то. Слышу, Аннушка потихоньку встает и выходит. Я за ней крадусь. Вижу, она обнимает и целует берёзу. Я притаилась, а она всё с ним, с любимым мужем будто, говорит. Потом пошла, легла.

Утром спрашиваю:

– Не ходит ли Иван к тебе? Ты что-то всё бормочешь ночью.

– Что ты, что ты! Это я так, у меня бывает.

На вторую ночь она опять пошла, то же и на третью. Тут уж я не вытерпела, крикнула:

– Что ты берёзу-то обнимаешь?!

Сразу по лесу как вихорь прошел. Я стою, молюсь, Аннушке крест на грудь положила. Как зашумит тут лес кругом! Анна упала без чувств. Закричала я, пришли люди, снесли её в шалаш, а утром пришлось отправить в больницу. Лечили её долго. Дом освятили, на Анну надели крест и Лик Богородицы. Год она жила как в тумане. А потом рассказала, что Иван к ней долго ходил, но говорить никому не велел.

И вот в ту пору, как Иван к ней ходил, она начала рожать! Это без мужа-то! Ушла с повитухой в баню и мается там, разродиться не может. Живота у ней нет, а схватки частые. А старая повитухато видывала разные виды. Она и говорит: сними крест с себя! Та крест сняла, всё с себя скинула, тогда выродила ребятенка предивного: сам красивый, глаза черные, а сзади хвостик.

– Молчи, никому про него не говори! Никому не показывай его, не корми. Может, Бог приберет, – повитуха говорит.

Вот Аннушка никому не показывает своего крошечку, прячет от людей. Но шила в мешке не утаишь. Молва прошла по деревне, что без мужа, мол, родила эта красавица.

Исполнилось парнишечке три года, пошла с ним Аннушка по лугу цветочков порвать. Нагнулась к цветку, поднялась – будто и не бы-

вало сынка! Она ну бегать, кричать. Мечется – сгинул ее светик ненаглядный, красавчик, материнским молоком вспоенный! Единственный сынок как сквозь землю провалился! И снова одна. Сиротина. И стала тосковать об сыночке, как прежде об муже.

Горе точит, а время бежит. Вот и воротился Иван со службы солдатской. «Встречай, жена! Ничего, что кудри поседели, поживем еще, лада моя!» Не стал он слушать никаких про жену пересудов, жалел ее, любил, как молодую. Только уж Аннушку он не отогрел. Сохнуть она стала, чахнуть день ото дня. Муж-то муж, да не заметит он дитя роженного. И стала она ночами кликать сынка; стал Иван замечать: поднимется среди ночи, затрепещет вся и лепечет во тьму: «Иду, сынок, иду!»

Вот раз стала как-то вставать с кровати, муж ее обнял крепко и не отпускает. Проснулся утром – она лежит в его руках мертвая... То ли Иван ее крепко сжал и удушил, то ли чёрт увёл – так и не знаем...

Иван запил с того дня так, что небу жарко стало. Так и запился...

Записано от Марии Николаевны Суслопаровой в деревне Шайдурово.

Сюжет «сын беса» широко распространен в фольклоре, откуда вошел и в высокую литературу. См., например, новеллу «Зелёное чудовище» Жерара де Нерваля (сборник «Соната дьявола», Лениздат 1991 г.)

В данном случае рассказ представляет собой пример трагической судьбы старорежимного служивого. Тоска по мужу молодой «соломенной вдовы» губит жизнь и душу. Рожденная быть женою, матерью, женщина вынуждена коротать век одна, отчего, по сути, сходит с ума. Тоска по мужу сменяется с возрастом тоскою по ребенку.

С большой долей уверенности могу предположить, что речь идет о психическом расстройстве с ложной беременностью и воображаемым ребёнком, которого никто, кроме матери, не видел (роль повитухи явно сказочна). В деревне поведение больной женщины, тоскующей по несостоявшейся семье, традиционно толковали как одержимую бесом, от которого она будто бы и родила предивного мальчика с хвостиком.

В ответ на мою просьбу поведать о сходных случаях, мне в селе Висим рассказали:

– А не всех вылечивали. Вот Даша Ерохина схоронила мужа. Живого-то, бывало, при всех ругат его: чтоб ты пропал! А как умер – стала тосковать, и он стал ходить к ей. Люди стали

замечать: откроет ворота и машет рукой – прощается. Дорога из её ворот идет прямо на кладбище. Он идет по проулку на кладбище, а люди его не видят. Так он её и замучил. Умерла она вскоре после того.

Записано от А. А. Петровой в селе Висим.

III. Покойник домой ходит

Покойник помогает жене

На девятый день по смерти мужа мне надо было месить квашонки. Вот я лежу, слышу: он идет. В чем схоронила, эти башмаки и стучат. Он пришел и стоит смотрит на меня. Меня так и ободрало!

– Ты почё сюда пришел?! Ты ушёл от нас — иди! Иди на х...!(А меня так женщины научили сказать). И словно ветер прошел — дверь схлопала, и никого не стало.

А на сороковой день я боялась проспать квашонку. И вот вижу сон: на пече бы мы с соседкой спим, а он бы между нами лезет.

– Куда это ты?

– А вам пора вставать.

Я встала – а квашонка уж подошла.

У моей свекровушки Екатерины Николаевны было два сына. Ей не было ещё и тридцати лет, знать-то, когда её муж умер. И вот он к ней стал ходить. Она поддалась – он и ходил. И что у ней творилось! Вот золовки и деверья сидят все в избе – вдруг ведра в сенях загремят, покатаются; выйдут — вёдра стоят смиРНёхонько. Или вот ровно рвёт крышу, посмотрят — ветра нет, всё тихо.

Сын её, мой шурин, тогда ещё парень, и говорит матери:

– Что про тебя-то говорят! Если это правда, я даже хлеба твоего есть не буду!

Выследил он всё дело. Мать на пече лежит против двери. И вот в полночь дверь открывается и входит покойный отец. Она закричала. Парень матерок закрутил, (как его научили), схватил кочергу и бьёт. Как хватит – так и падёт сам вперед на пол: пусто перед ним, никого нет, а поднимется – снова перед ним отец стоит. Он опять маты завязывает, опять бьет – пусто, встаёт – отец перед ним...

Это он сам мне часто рассказывал. Как выпьет, так и рассказывает: «Бью — пусто, встаю — отец стоит!»

К матери его потом привозили бабушку на лошади, лечили и вылечили. Покойник не стал ходить.

Сюжеты эти и последующий записаны от М.Н. Сулопаровой .

Интересна роль ритуального мата, отгоняющего нечистую силу. Очевидно, что obscene на нынешний день лексика некогда была оберегающей.

Петушиные ноги

Было это в 42-м году, когда мама уже получила похоронку и сильно переживала, тосковала об отце. Четвёрка (детей) у неё осталась дома-то без отца.

Вот как-то она мылась в бане. Выполоскала волосы, поднимает голову — а за колодой с водой стоит отец!

— Иди сюда, набирай воды. Или не ждала меня?

Мать так и окаменела, но набралась сил и говорит:

— А ты сам подойди.

— Сними крест, тогда подойду.

Тогда она давай читать Богородицу и креститься. Он пошел к двери и в сердцах сказал: «А-а-а, догадалась!»* Смотрит она — а у него ноги-то петушиные! Еще пуще испугалась, давай еще пуще молиться, а выйти-то боится: он вдруг за дверью! Одедась и стоит, не выходит.

Ждали-ждали мы её и решили в баню за ней идти. Пошел брат Коля, стучит: — Мама!

— Ты ли это, Коля?

— Да я! Ты что, мой голос не узнаешь?

— Заходи. Ты никого не встретил по дороге?

— Нет.

Посмотрели на снегу-то днём — а на крыше бани весь снег исслежен петушиными ногами.

С тех пор мать одна в баню ходить не стала.

* «А-а-а! Догадалась!» — хрестоматийная фраза, традиционный возглас нечистого, когда оказываются раскрытыми его козны.

Сюжет явления покойного мужа в бане, как и другой нечистой силы, — один из самых распространённых по всей России.

Покойная мать летает к детям

Мне было лет десять. У Белкиных, брата с сестрой, умерла мать. Они по ней шибко тосковали. И вот мать стала к ним летать.

Как-то мы ночевали у бабушки Агафьи. В семь утра бежим от неё, смотрим – перед нами горящая головёшка летит, искры так и сыпятся! Куда она полетит? А она на крышу Белкиных пала и рассыпалась.

Мы потом бабушке Агафье рассказали, а она: – Значит, правду люди говорят...

Это уж я самовидец.

Эти ребяташки спали со своей бабкой. И вот ночью она их держит, а их всё равно с постели тащит. Вот кака сила!

Рассказала А. А. Петрова. Село Висим.

Огонь, искры – связующее звено между миром этим и «тем.» См. ниже очерк «Огонь и волосы».

Покойная мать забрала

Мать умерла и оставила грудного ребёнка. А её родная сестра – она мне своя была – день и ночь сидела возле зыбки, качала, вся измучилась – ребёнок всё плакал. Вот она и вскричала: – Господи! Когда же это кончится! – И слышит голос своей сестры: – Потерпи ещё немного. Я ребёнка на-днях заберу. А сейчас покормлю, успокою. – Ребёнок стал сосать губками, будто грудь, и заснул. Через несколько дней он умер.

Записано от Лидии Хабаровой. Село Висим.

И. Билибин. Из иллюстраций к русским сказкам

Мертвец-посыльный

Одной бабе ночью приснился её муж и говорит: – Жена, мне ботинки надо другие, а то у меня ноги мёрзнут. В такой-то избе в два часа дня умрёт девочка, так ты с ней ботинки-то уж пошли мне!

Жена на другой день пришла в ту избу, а там как раз девочка только что померла. Она свой сон рассказала, так в гроб девочке ботинки-то для её покойного мужа и положили.

Записано в селе Бруснятском.

Под частью сюжетов фамилии не указаны: в пору антирелигиозной пропаганды и борьбы с предрассудками информаторы настороженно относились к обнародованию своих данных. Рассказывали по большей части торопливо и не весьма охотно. И расспрашивать подробно, просить об уточнениях и толкованиях сюжетов не представлялось возможным. Исключения редки – Мария Николаевна Суслопарова и некоторые другие.

IV. Лешие, домовые, неведомая сила

Лесной старик

Мне мой дедушка рассказывал, мамин отец. У них был старик, и у него были владения до лога. Если человек успеет лог перейти, то уйдет от него, а если не успеет, то пропал.

Раз они с покоса поехали, и старик сел к ним. И вот лошади не идут и всё! Их стегают, они все в пене, в мыле! Кое-как дошли до лога, старик-то слез – и вот выше, выше стал подыматься, вот и над лесом поднялся и захохотал! И над лесом дым выпустил.

И вот от лешего чтобы спастись, люди дугу на лошадь задом наперед надевают и особые слова говорят. Это чтобы запутать, обмануть нечистую силу.

И бывает, что он (леший) водит. С мамой тоже такое случилось. Вот она дорогу знает, заблудиться никак невозможно, а блуждала. Сколько раз блуждала. Вот водит-водит он, а если молитву какую-то там скажешь, то окажешься опять на этой дороге, (с которой сбился).

И вот ещё случилось в войну. Там учительница у них была (в селе Кунара Невьянского района). И вот с ней тоже такое случилось. Она рассказывала: иду, говорит, и смотрю, какой-то сзади человек идёт. Ну, я быстрее – и он быстрее, я бегом, и он за мной бегом. Ну, страшно ведь! Вот только я, говорит, за этот лог перебежала, он поднялся выше леса и захохотал: – А, узнала!

Записано в посёлке станции Таватуй.

Кстати вспомнить «Бесов» Александра Сергеевича Пушкина:

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:

Коням, барин, тяжело;

Вьюга мне слипает очи;

Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня...

Лешак унёс

В сутках есть роковой час, может быть, даже только одна минута, когда нельзя поминать нечистую силу...

Девку послали в сени, а она там задержалась. Вот её ждали-ждали, а отец возьми и скажи: что её, лешак что ли унёс! Вышли в сени – девки нет. Всю ночь её не было. Утром вышли из избы, а по-за огородами на снегу огромные, двухсаженные следы. Пошли по ним и вышли на опушку леса. Там девка в расщелину меж двумя стволами сросшимися засунута, уже мертвая, как была в платье, простоволосая...

Записано от А. Хлыстиковой в городе Богданович

Соседушко услужает

Я купила корову и боялась проспать (время выгона). А бабушка меня научила: ты подари соседушко и просыпать не будешь.

– А как?

– Свари вкусное что-нибудь и положи в 4 угла перекрестясь:
соседушко-батюшко,
помоги моему горюшку,
чтобы я не просыпала –
выгоняла свою коровушку...

Я отварила рису — как панафиду-то (панихиду) делают, туда масла, изюму, с этой пищей перекрестилась на все четыре угла и положила (туда) по ложке. Легла спать, а за пицу-то забыла. Потом смотрю – кутья съедена. Утром – стук в окошко в нужное (для выгона) время. Так и пошло. Если просплю – в двери три раза стукнут, не просыпаю – нет стука. Просыпаю – стук. Пока корову держали, всё так и было.

Записано от М.Н. Суслопаровой

Характерна ритуальная роль четырех углов, четырех сторон света: космическая ориентация русской избы. В русских сказках постоянно встречается ориентация на четыре стороны света.

Рисунок Ивана Билибина — Домовой

В домовых верили не только простолюдины. Вот свидетельство фрейлины Анны Федоровны Тютчевой (дочери великого поэта) из её Дневника:

«Есть люди, которые не верят в домового. Я же в него верю. Мне он кажется немного надоедливым, он проказничает, как капризный и злой ребенок, который старается навредить, сам не зная зачем. Но я напрасно пишу так, – если он прочтает, он на меня рассердится и усилит свои шалости».

Анна Тютчева. Воспоминания. Изд-во Захаров. Москва. с. 64.

Баенница

Раньше бани-то на отшибе строили: в огороде или возле речки. И вот мамин брат рассказывал. Он первый пошел в баню. Вымылся, всё, да и вылетает оттуда. А как раз жена его идёт (мыться):

Что это с тобой? А вот представь, говорит, вымылся, попарился, стал уж окатываться – и вдруг женщина заходит! Главное, ноги-то волосатые какие-то. Видно, хотела его утащить. Я, говорит, оттолкнул ее и выбежал. Ну, жена подошла к бане, перекрестила, вошла – ничего нет.

Баенница и баенник (или банник) – вредоносные существа, подвид домового, живущего в бане. Обычно невидим, иногда принимает облик голого старика, покрытого грязью и листьями от веника, или человека с длинными волосами, а также может превращаться в вепря, собаку, кошку, лягушку, зайца. Живёт за каменкой или под полком. Забавляется часто тем, что ошпаривает моющихся кипятком.

Сюжет был некогда распространен по всей России. Однако уже к началу XX века вера эта была достаточно редка. Наша быличка – от анонима (не захотели назваться).

Банник. Рис. И. Билибина

Предсказал войну

Мы с мужем шли на покос по дороге на Петраковскую. Шли березником. Муж ушел вперед и начал косить. А тут из ельника вышел старичок в домотканой рубахе. Поздоровался. Он сказал, что будет страшная война, мужа моего заберут, и он не вернется. Но победа будет наша, враг будет разбит. Показался, сказал это – и не стало его. Трава была тут высокая, на начале нашей поляны; я поглядела – следов нет и трава не примята. Со мной собака была, Азка, так она и не взлаяла. Я мужу-то рассказала, (дошел до него, т. к. он ушел вперед) – такая жуть нас взяла, что мы не стали грести сено, бросили что муж покосил и пошли скорее домой. Пришли и узнали, что в этот день началась война.

А муж мой, как и сказано было, ушел на войну (в 1941 году) и домой уже не вернулся.

Записано в селе Нижняя Синячиха от анонима

Огненные люди

Как-то много бабёнок собралось по ягоды; ушли далеко да в лесу и заночевали. Разложили огня. И вдруг вихорь прошел, огонь взметнулся, искры посыпались, а через костёр как люди бегут, и каждый по головёшке хватает и так и раскидывает! Потом вышел один и говорит:

– А вы зачем здесь раскладываете? Это наше место, наша тропа!

Записано в деревне Шайдурово от анонима

Мотив духов огня использован в сказе Павла Петровича Бажова «Огневушка-поскакушка». См. также ниже статью «Огонь и волосы» «Вдруг вихорь прошел...» Грозы, бури, вихри, ветер («то ли ветер свистит над широким полем»... Сергей Есенин), метель, по поверьям, происходят от злых духов. В то же время сильный ветер (ураган, буря) является вестником божественного откровения. Ведь Бог отвечает Иову из бури; в грозе и буре получает Откровение Иоанн Богослов.

Дух в образе человека

Было мне лет девять – десять. Ходили мы с мамой в лес по чернику. Ягод было черным-черно. Мы быстро набрали корзины и повернули домой. Смотрим, на другом конце леска Прохор ходит с топором – муж моей крёсны, дядя мне. Мы когда пошли в лес, он дома остался в постели, сильно больной. Мама говорит: – Что это его сюда занесло? То встать не может, а то вон куда пришел!

Вернулись домой – Прохор на кровати лежит. Мама говорит:

– Чего растянулся? То не можешь, а то вон тебя где носило!

– Где?

– Ты в лесу-то что делал с топором?

– Да я и не вставал!

И жена Прохора говорит, что он и встать не может, не то что идти, у него ноги в этот день как раз совсем отказали.

– Померещилось вам.

...Только вот я думаю: как это двоим-то сразу померещилось? У меня хорошее зрение, я так ясно-ясно видела: дядя Прохор это! В

чем он лежал на постели, в том нам и показался.

Но только доказывать мы никому не стали, а то засмеют. Случай этот так и остался тайной. Только на то место мы уж больше не ходили по ягоды.

Записано от М.Н. Суслопаровой в Шайдурово

Сюжет явления духа человека распространён в устных рассказах многих народов. Моя рассказчица Мария Николаевна, человек живого и трезвого ума, не склонная к пустым бредням, твёрдо была уверена тем не менее, что видела двойника, который есть не что иное как материализовавшийся дух.

Водяная чара. Красота нездешняя

Говаривала бабушка: что на роду написано, не обойти — не задарить.

Было это с родной её бабкой...

В одной доброй семье родился сынок, и так все ему были рады: до того рождались только дочери, шесть дочерей.

Сравнялось Ванюше три годика. Сидит как-то мать с ним на завалинке, любит, играет с сынком, и вдруг неведомо откуда появляется старая-престарая старуха.

– Посижу-ка я у вас на завалинке, может, хозяйка какая напоит. Издалека иду, ходила молиться за себя и за добрых людей.

Мать вынесла квасу и хлеба краюху. Старуха съела, поглядела на Ванюшу и говорит:

– Малец хорош больно!

– Последний. Надёжа наша, поилец-кормилец.

– Ох, не едать тебе хлеба-то его...

– Как это?

– Не убережешь ты его, милая! Умрет он в расцвете лет. А смерть к нему придет от воды. Возьмет его вода в день его рождения.

Сказала – и вмиг не стало старушки, только кувшин, из которого пила, на завалинке остался.

Вечером собралась за столом вся семья. Рассказала мать, что поведала ей вещунья. Отец тут же вышел и повесил на колодец во дворе крепкий замок, ключ к себе в карман положил.

Время шло. Иванушке подходило уже шестнадцать. Рос он красивый да статный. Кудри русые до плеч, глаза темно-синие, что глубокий омут, только вот лицо бело и прозрачно, без румянца. И

часто задумывается парень: делает что-нибудь – и вдруг остановится и вдаль глядит, улыбается невесть чему. Окликни его – вздрогнет, как проснется. На реку без отца никогда не отпускали его. Ну а воду из колодца он потом всё же таскал – не без работы же сидеть молодцу.

Вот за три дня до его рожденья сидит мать у окна, прядет. Вдруг откуда ни возьмись старушка старая-престарая пить просит. Подала ей мать напиться, а та и говорит: – «Забыла ты, матушка, какое горе тебя ждет? До него уже три денька остается!» Сказала – и исчезла как растаяла. Дрожь охватила бедную мать. Узнала она ту старуху. Но Иванушка-то – вот он, жив-здоров, с сестрами во дворе на качелях качается.

Вечером в день рождения Иван, как всегда, воду носил из колодца. Выкачет ведро воды – и смотрит в него как зачарованный, глаз отвести не может. Вот над колодцем наклонился, весь туда так и подался! Отец мигом подлетел :

– Что ты там, Иванушка, увидел?

– Показалось мне, тятя, будто кто меня зовет... Девичье лицо будто мне оттуда смеется...

Отец тут же замок тяжелый на колодец навесил, никуда Иванушку из дому не отпускает. Хоть и день его рождения, а на вечерку не пустил его. Ну, за ужином-то дома порадовались дню его рождения всей семьёй, разговорились. Отец про женитьбу | Иванушкину речь завел – про невесту, де, парню думать пора.

– Нет, тятя, в деревне нашей ни одна мне не глянется.

– Ну так с дальней привезем невесту! Или у тебя на примете есть кто? – Вспыхнул Иванушка, зарделся что маков цвет.

– Зовет меня... зовет красота несказанная, нездешняя...

Нахмурился отец:

– Будет сказки-то баять. Что за такая нездешняя?! Найдем девку здоровую, белую да румяную. Женишься – всю тоску как рукой снимет!

Вздохнул Ванюша, ничего не ответил.

Вот стали спать укладываться. Ваня вышел до ветру – нет и нет его. Отец вышел во двор, смотрит: лежит Ванюша на колодце вниз лицом. Подбежал, хватить его – а он мёртвый...

Врача позвали, тот сказал: остановка сердца.

Мать пять дней не давала Ванюшу хоронить. Лежал он как спал, даже будто тёплый. Вся деревня плакала по нём.

Осталась мать в избе одна после похорон, видит – стоит та

самая старушка в дверях и говорит: – Не плачь! Душу его давно уже там ждали. Он там нужен. Ты им его родила и воспитала, а теперь довольствуйся своими дочерьми. А за труды возьми вот это — и подает что-то в тряпице. Тряпицу развернули – и вмиг осветило избу будто полымем. Мать закричала: горим! В тот же миг старуха исчезла, а на столе осталась золотая лента – целый метр золота.

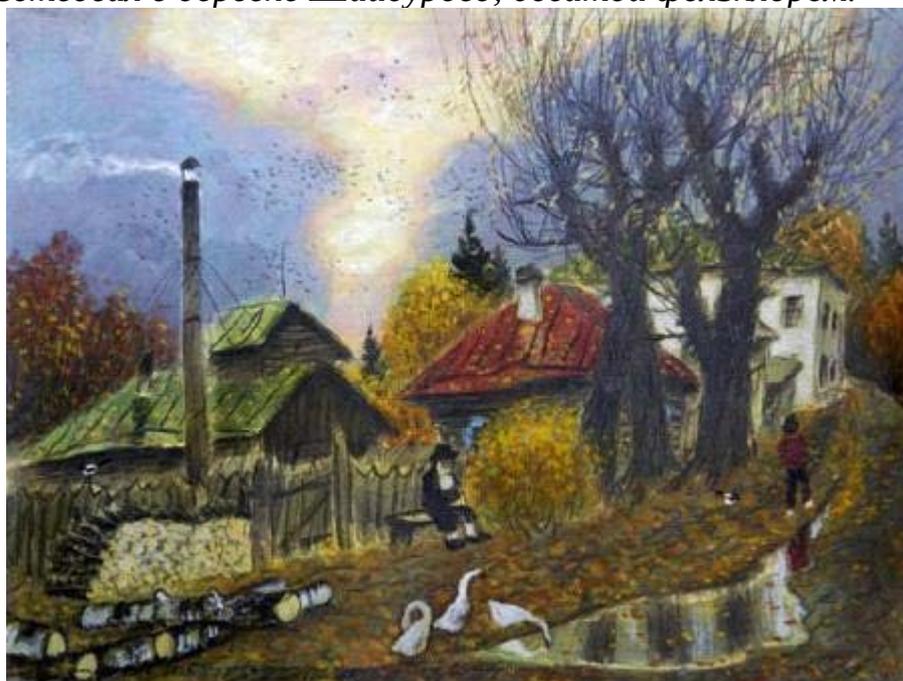
Мать с горя ума лишилась и к године смерти Иванушки умерла. Отец доживал свои дни с младшей дочерью. Жили они богато.

... Бабушка моя Кристина Семёновна рассказывала так, что мать её и была той самой младшей дочерью отца Ванюши...

Сюжет, переданный мне М.Н. Суслонпаровой из деревни Шайдурово дан в моей осторожной обработке с сохранением всех сюжетных ходов и деталей.

Поэтичная легенда соединяет сюжет предсказанной неминуемой судьбы с мотивами тяги к неведомому и чудесному. Эти мотивы широко представлены в уральском фольклоре, обработанном П.П. Бажовым. В сказках «Каменный цветок», «Хозяйка Медной горы» так же зовёт, манит таинственная далёкая красота и совершенство, неведомая сила, которая в конце концов и забирает к себе поэтичного юношу.

Замечательно, что Павел Петрович Бажов в молодости как раз учительствовал в деревне Шайдурово, богатой фольклором.

Михаил Сажаяев. Шарташ осенью. (Пригород Екатеринбурга)

Крестная сила

Быль о Богородице и старателях

Мой отец был старатель. Долго как-то старатели не могли найти золота. Бабушка Пея им говорит: – «Хотите найти золото? В двенадцать ночи в лесу двенадцать раз прочитайте «Богородицу» и идите прямо на восход солнца.» Отец думает: «И вот мы уже измучились искать, обнищали – сделаем, как она сказала». Прочитали в лесу «Богородицу» и пошли на восход. Шли-шли, сели покурить, видят – впереди идёт женщина и платочком машет. За ней пошли. Долго шли, шли-шли, уж все измучились. Никитин и скажи: – «Господи! Да когда же мы дойдем!» Только сказал – и не стало женщины в белом. Они пошли на то место, где она остановилась, а там под берёзой вывороток, и в нем лежит большой самородок золота! Там они сделали шахту. Я сама в ту шахту еду отцу носила. На двадцать пятом метре вглубь земли здесь они нашли жилу и шли по ней вплоть до реки. Это в трёх километрах от деревни Шайдурихи на берегу Аятки.

Записано от А. П. Новосёловой в деревне Шайдурово.

Побеждая незримую силою...

Предание о Знамени Богородицы в Верхнем Тагиле

Белокаменная церковь Знамени Пресвятой Богородицы стоит в центре Верхнего Тагила — небольшого уютного города, построенного некогда вокруг завода на берегу пруда. Сначала была деревянная церковь Ильи Пророка, но она сгорела, и на ее месте возвели нынешнюю, чудом сохранившую свое убранство вплоть до наших дней. Поистине чудом пережила эта церковь все страшные годы гонений и грабежа храмов на Руси в советское время.

Церковь была закрыта в 1917 году всего на три дня, а когда хотели большевики взорвать ее, верующие заперлись внутри храма и таким образом его отстояли. И сегодня Верхне-Тагильская церковь восхищает специалистов старинными иконами чудного письма.

Жемчужина храма — чудотворная икона Знамени Пресвятой Богородицы в самом центре возле аналая; икона эта истово почитается и в наши дни. Она жила еще в старой деревянной

церковке, и при пожаре ее тыльную сторону опалило, но не сожгло пламя. Эта икона чудотворная в воде не тонет и в огне не горит.

Историю иконы охотно рассказывают в Верхнем Тагиле. Предание это живет на уральской земле с начала XVIII столетия. Оно изустное и записано на церковно-славянском языке в различных вариантах. Передается же именно из уст в уста: мало уже кто читает древние письмена. Это дает право рассказать предание на свой манер, ничего не изменяя, впрочем, и не утаивая.

Итак, на месте нынешних горных заводов при наших прадедах стояли глухие леса. В лесу близ Невьянска, на ключике, хоронился скит монашествующих старцев. На них набрели бурлаки, что шли наниматься на работу в Невьянские заводы к Никите Демидову. Ему, разбогатевшему тульскому кузнецу, Петр I в 1702 году передал тамошний казенный завод. Рабочие руки нужны были позарез в малонаселенных краях, и царь разрешил хозяину принимать работников без разбора их прежней жизни. Много шло лихих людей, перекаати-поле, не имеющих ни кола ни двора и ничем не дорожащих. Русь голяцкая, ушкуйная, потянулась туда, где по лесам и топям жили святые отшельники, о коих говорится: «душа да Бог». Бурлаки, набредя на скит, там переночевали, а уходя, его разграбили и сожгли. Ненавидя, видимо, то, что непонятно, что духовно выше, признавая только власть земную, материальную, хотение есть-пить да силу мышц, а не силу святой молитвы. Хотя вряд ли было что грабить у отшельников.

Самая большая ценность отцов-пустынников была старинного письма икона Знамения Богородицы. Икону эту грабители бросили на дороге. Но уйти не смогли. Богородица возвращала их невидимой властной силой вспять. Она была сильнее мощных, сильных плотью мужиков. Тогда те, не в силах уйти, вернулись, подняли икону, донесли ее до реки и бросили в воду. Однако икона не потонула, а поплыла вверх по течению реки и приплыла к Невьянским заводам, где и очутилась на Тульской башне (ныне знаменитой Невьянской наклонной башне).

...В то же самое время некоему жителю Савве Медведеву приснился сон: Богородица явилась ему и сказала: «Ожидают тебя гонения и напрасные притеснения, но я тебя спасу. Только обрети меня на Тульской башне». Поутру Савва получает повестку в суд по подозрению в воровстве. Он срочно, никому ничего не говоря, идет в Невьянск, обретает на Тульской башне до того неведомую ему икону Знамения Богородицы, точь-в-точь такую, какая явилась

в видении. Доказательств своей невиновности Савва представить не мог и был заключен в темницу. Не усомнюсь в знамении Богородицы, подумал заключенный и тут увидел очутившуюся пред ним икону. Малую, аки ладанка: она в размерах уменьшилась и чудесно прошла невидимо сквозь стены узилища. И вскоре дверь тюрьмы распахнулась, и Савву выпустили с поклонами и извинениями, поймав наконец настоящего вора.

...Слава иконы Знамения Богородицы скоро разнеслась по всем демидовским заводам. Когда Савва Медведев переехал в Верхний Тагил, икону он взял с собою и передал ее церкви, и по сию пору она хранится там, в Верхнем Тагиле, и зовется Знаменской. И почитается та чудотворная икона Богородицы с печальным и нежным ликом Божьей Матери, скорбящей о нас, грешных, жестоких насильниках друг над другом.

Сияет икона на самом почетном месте, близ аналая, в шитой старинным бисером ризе голубовато-серых тонов, древняя, прекрасная. И с глубокой трещиной-шрамом через всю доску — знаком бывшего несбывшегося поругания жестоких безбожников, которых Она победила незримою силою...

С этой иконой вплоть до самой революции совершались крестные ходы по селам и деревням. Она творила многие исцеления, ею освящались поля. Люди рассказывают: как-то в Верх-Нейвинске (это всё заводы одного куста) поленились, не вышли с хоругвями навстречу чудотворной, как бывало прежде. Решили, что обойдется и без крестного хода. И что же? Вскоре случился там великий пожар, и много хороших домов выгорело...

Икона Знамения Богородицы в Невьянском и Верхнетагильском районах Свердловской области и ныне одна из самых почитаемых.

Знаменский храм в Верхнем Тагиле. Фото В. Довганя

Вместо комментария: «На Руси спокон веку были «разбойнички» муромские, брянские, саратовские, бегуны, шатуны, бунтари

против всех и вся, голь кабацкая, пустосвяты, сеятели всяческих лжей: несбыточных надежд и свар. Русь классическая страна буйна. Был и святой человек, был и строитель высокой, хотя и жестокой крепости. Но в какой долгой и непрестанной борьбе были они с буйном-разрушителем, со всякой крамолой, сварой, кровавой «неурядицей и нелепицей»!»

Иван Бунин. Окаянные дни.

Ангелы отпевают

В селе Бруснятском был старенький поп, за девяносто ему было. Стал он немощен и иногда стал позабывать кое-что. Вот, бывало, с вечера на паперть прихожане накладывают бумажек с именами, кому панихиду надо служить, а он, бывает, за обшлаг засунет и позабудет.

Как-то поп отслужил всенощную, церковь запер, свечи везде потушил, пришел домой и лёг спать. Дом его против церкви. Вот видит: в церкви свет так ярко горит и пение раздаётся. Что такое? Видно, думает, я свет забыл потушить. Встал, оделся, в церковь заходит — никого, темно, тихо. Видно, почудилось. Пошел домой, лёг. Только лёг — снова в церкви свет в окнах и пение. Он вдругорядь поднялся и пошел в церковь. И опять ничего. А только лёг — снова то же. «Ну, не пойду больше». Так и уснул. Утром в церковь приходит — на налое лежат бумажки с именами усопших, которые он забыл у себя за обшлагом. А те бумажки вон где оказались. Понял тогда поп, что это ангелы заупокойную службу ночью в церкви служили.

Троицкая церковь в селе Бруснятском. Фото XX века

Наказание кощунницы

На вечеринке одной собралась молодежь. Девке одной кавалера не хватило, она и сняла со стены икону Николая Угодника: – «Вот мой кавалер!» – и враз окаменела. Икону из рук вынули – а девка недвижна стоит. Никак её от пола оторвать не могут. Стали вместе с полом вырубать – из пола кровь брызжет.

Так её и оставили, дом забросили, и всё заросло.

Сюжеты записаны в селе Бруснятском. Былички об окаменевших богохульниках были повсюду в России широко распространены.

Столп света

Когда в селе Бруснятском разоряли церковь Святой Троицы (в 30-е годы – О.Щ.), жители села видели в небе огненный столп. Он долго стоял, а потом поднялся выше, выше – и исчез. Спросили батюшку, он сказал: это Господь приходил свой престол забирать.

Икона Богородицы

Молодых на свадьбе мать благословила иконой. А они сунули её на печь и там позабыли. Как-то едут они (на лошади) с покоса под вечер, а на дороге стоит старушка.

– Бабушка, садись, подвезем.

– Что меня подвозить, я ведь у вас дома за печкой живу.

И исчезла.

Молодые домой приехали, икону из-за печки достали и в красный угол поставили.

Записано в селе Висим.

Спаситель наказал

У нас вот еще мама что рассказывала. Раньше-то была Пасха. В церковь ходили, а перед этим-то – разговенье. И надо кого-то пригласить в гости, чтобы угостить. Один человек хотел кого-нибудь пригласить в гости, а мать ему: зачем? Не надо! Но он пошел. Идет, смотрит: старик валяется, такой грязный весь, ободранный. Пойдем, говорит, хоть ты со мной разговеешься. И вот пошли. А перед этим ведь всегда охота в баню, и баня ещё тёплая была. Вот он старика вымыл, передел в чистое и посадил за стол. И потом день, что ли, у него старик-то прожил. Потом стал собираться домой: теперь, говорит, ты давай в гости ко мне.

– А куда я к тебе должен прийти?

– Приедет к тебе за ворота конь, ты на него садись, он тебя довезёт.

В какое-то время подъезжает конь. Мужик на него сел, конь поскакал и привёз его к какой-то избушке. Избушка эта в лесу стояла, там птички и всё такое – райский уголок такой. Старик его встретил, стал водить по дому, показывать всё. И там дверь была в чуланку: ты туда, наказывает, не ходи, не заглядывай. Мужики интересно: что там такое, почему не заглядывать-то! И вот как вечер наступил, не терпится ему, а дверь как раз немного в ту чуланку приоткрыта. И он заглянул: там стоит большой котёл и в этом котле женщина: выскакивает – и снова туда, в котёл кипящий! Мужик испугался, а всё же женщину решил спасти, из котла вытащить. Зашёл, её за волосы схватил – женщина исчезла, а волосы у него в руке остались. Он испугался: узнает хозяин, что он заглядывал. Взял волосы и там куда-то запрятал. Вышел отсюда: ну всё, домой поеду. А хозяин говорит: ты волосы-то себе заberi! – Узнал!

И вот мужик домой вернулся – а мать мёртвая лежит. И без волос! Понял он тогда, кто этот мужик был...

Записано в посёлке станции Таватуй от женщины средних лет, анонима. (Люди неохотно, даже насторожённо относились в те годы – в начале 90-х – к их религиозным воззрениям).

Сюжет является вариантом на тему народных легенд о странствиях Спасителя по земле.

В приведённой легенде неузнанный Спаситель наказывает жадную женщину, а праведному человеку показывает рай и ад, и праведник, таким образом, удостоивается как бы видения, свойственного святым, что при жизни узрели потусторонний мир. (Например, таково «Сказание о Житии Василия Нового и видении ученика его Григория», где Григорий узрел в видении и рай, и ад, и конец мира и явление Земли Новой...) О легендах такого рода пишет великий фольклорист Александр Николаевич Афанасьев:

«По народным сказаниям Спаситель вместе с апостолами и теперь, как некогда— во время земной своей жизни, ходит по земле, принимая на себя страннический вид убогого; испытывая людское милосердие, он наказует жестокосердых, жадных и скупых и награждает сострадательных и добрых. Это убеждение,

проникнутое чистейшим нравственным характером, основано на том, что Спаситель о делах любви и милосердия к нищей братии проповедал, как о делах любви и милосердия к нему самому: «Речет Царь сущим одесную его: приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира. Взалкахся бо — и дасте ми ясти, возжадахся — и напоисте мя, странен бех — и введосте мене, наг — и одеясте мя, болен — и посетисте мене, в темнице бех — и приидосте ко мне». Тогда отвещают ему праведницы, глаголюще: «Господи, когда ты видехом алчуща — и напитахом, или жаждуща — и напоихом, когда же ты видехом странна — и введохом, или нага — и одеяхом, когда же ты видехом боляща или в темнице — и приидохом к тебе?» И отвещав Царь речет им: «Аминь, глаголю вам, понеже сотвористе единому из сих братий моих меньших — мне сотвористе.» (Евангелие от Матфея, гл. XXV, ст. 34—40).

В настоящем сборнике довольно приведено народных рассказов, в которых Христос является испытующим людские сердца странником и поэтическое достоинство которых так же истинно и цельно, как и нравственное.»

Из Предисловия А.Н. Афанасьева к его сборнику Народных легенд

Высокая поэзия также не обошла тему присутствия Спасителя в нашем грешном мире, странствия Его по земле.

Михаил Сажеев. Раннею зимой

Пришельцы Евдокия-Чайница

Была у нас в Шайдурихе старая женщины Евдокия Егоровна. Звали ее Чайница. Прозвище это она получила из-за одной таинственной истории...

Увидала она как-то вечером в окошко: на Луне сидит Богородица и пьет чай. Утром всем рассказала про чудо. Но её подняли на смех: спятила баба!

Прошёл год. В тот же день и час, что и тогда, Евдокия спать не легла, а смотрит на луну во все глаза: что-то будет? И вот опять: сидит Богородица и пьет чай. Она поскорее разбудила мать. Та спросонья-то пока шла до окна, уж увидала только руку с чашкой, а Богородица за тучку ушла. До утра смотрели на луну, но больше ничего не увидали.

Утром не утерпели – рассказали соседям про чудо. Еще больше стали над ними насмехаться и прозвище дали – Чайницы.

Евдокия-то и в город ездила, добивалась чтоб ученые внимание обратили на явление такое – не раз еще то же видение ей являлось – но там её за дуру посчитали.

Когда умерла Евдокия-чайница, то – рассказывал старичок – повис, говорит, блестящий шар напротив дома, и видно было на нём людей, похожих на Евдокию. Все смотрели на этот шар и своим глазам не верили. Но факт остается фактом: Евдокия лежит в гробу – и в это же самое время на этом самом шаре ходит. Три ночи висел этот шар над деревней, а как схоронили Евдокию-чайницу, он больше не прилетал. А прозвище «Чайница» осталось за дочерьми Евдокии. Мать моя, их ровесница, от них весь рассказ и слыхала. Другие жители Шайдурихи также говорят, что все это правда.

В этом рассказе, записанном от М.Н. Суслонпаровой, поражает деталь: одно и то же лицо лежит в гробу – и в то же самое время ходит на некоем шаре. Стоит заметить, что о так называемом «астральном теле» жители Шайдурихи ничего не знали и объяснения явлению никакого дать не могли. Возможно, речь идет об оптической иллюзии, вызванной атмосферными явлениями. Но можно поставить и такой вопрос: Богородица на «луне» – не есть ли это объяснение через привычные образы неизвестных тогда еще космических «тарелок» с пришельцами?..

Бывальщинка эта бытовала на момент записи у многих стариков в

деревне Шайдурово, ей верили.

Интересный оптический феномен – или видение – явилось и жительнице той же деревни, что и рассказчице М.Н. Сулопаровой, – её соседке Антонине Петровне Новосёловой, в ту пору учительнице и воинствующей атеистке. Она сама мне вот что рассказала: поехала как-то на лошади и вдруг видит перед собою на небе дом односельчанина, находящийся на другом конце деревни. Видение было очень отчетливым. Объяснения оптической иллюзии – миражу – она дать не могла.

Что касается блестящего шара: жители Шайдурово в 1991 году – я слыхала это от многих – летом неоднократно видели НЛО на задах деревни в виде огненного шара. (Шаровая молния?)

Сын неба

На краю нашей Шайдурихи жила Марфа, и был у неё сын. Марфа замуж не хаживала. Никто, даже вездесущие старухи, что на аршин под землёй видят, не знали, откуда сын взялся. Никто не мог разгадать эту тайну. Марфа была в молодости красавица, коса до пят, глаза горят что угольки.

Сын её тоже, говорят, был необыкновенной красоты и очень высокий. Я застала его уже стариком под девяносто лет — а я была тогда подросток – и то было видно, что он высокий, крепкий, ладный. Раньше-то девицы заглядывались на него, но он всё не женился. Смеяться над ним в деревне стали, мол, он, видно, не обучен мужскому ночному делу. А так-то уколоть его было нечем: работающий, плясун, пел — заслушаешься!

Вот мать его состарилась и стала умирать. И поведала она крёсне тайну рождения сына...

... Пошла раз Марфа по клюкву. Ходили обычно толпой, а тут никто не хотел идти, а её так и тянуло в лес. Взяла она спички, корзину с мешком, как обычно, и быстро добежала до леса. Только начала брать, смотрит – старичок или мужичок – не разглядела, далеко было, берёт тоже клюкву. А кошелка у него как огонь красная, особенная. Хотела подойти поближе, но он зашел за деревья, а она оказалась на полянке, где клюквы оказалось видимо-невидимо. Стала она брать и ведро -другое разом набрала. Вот и уходит пора. Смотрю, говорит, там на поляне стоит в комбинезоне ярком мужчина моих лет и мне машет: сюда, мол, иди. Что-то я сробела сначала, а он говорит: – Не бойся, милая, я тебя не трону. Подошла. Здравствуйте, говорю, смотрю на него: он

какой-то неуклюжий, руки длинные голова какая-то плоская, ноги большие очень. Но лицо красивое. Взял он у меня мешок с клюквой и пошли рядом. Расспросил, как меня зовут и чья я буду. Объяснила я ему всё как есть: что брата грозой убило, отец ушел искать золото и до сих пор ищет, мать с горя померла, и вот я осталась однаОдинешенька. Он мне говорит: – Я от них пришёл – и показывает на небо. И увидела я за соснами какую-то тарелку ярко-оранжевую, такую же, как у него комбинезон. Прижал он меня к себе, обнял, а я так и растаяла вся: кажется, всю жизнь его знала. А он мне поведал, что меня давно ищет, а как нашел — все не было подходящего дня, всё я не одна была.

– Пойдем со мной!

– Нет, что ты, лучше ты приходи. Я одна живу на самом краю деревни.

– Да я-то знаю, где ты живешь. Всех женихов от твоей избы провожаю в другую сторону, а сильно несговорчивых с собой уношу.

– А где они теперь, потерянные наши парни?

– Живут они хорошо. Роди ты сына для нас. А у нас ему найдется невеста.

Я пообещала ему, что приду как стемнеет на край откоса, поближе к дому. И бегала туда к нему всю осень до самого снега. Зимой встречи наши прекратились. И так уж я скучала темными вечерами! Как только уходили от меня люди, со мной он был рядом. Я это чувствовала. Берусь за ведро – а оно как пёрышко, будто его с водою поднимает невидимая сила. Несу дрова – они меня сами несут домой.

Родила я Сенофона (Ксенофонта). Имя это он сыну дал сам. Я стала ходить каждый день в церкву, окрестила сына-то, и рос он не по дням а по часам. Что мне было нужно – всё было у меня. Но видеть я его (отца ребёнка, «пришельца») я больше не видела. А разговаривать – каждый день говорила.

Людям я об этом не могла рассказать. Он сказал, если проболтаешься – сотворишь большой грех. И звука не пророни, иначе погубишь и себя, и мальчика. Твой сын вырастет быстро и придет к вам невестка – ждите. И вот я умирать собралась, а сыночек мой не устроен еще...

Перекрестила Марфу крёсна и пошла. А людям сказала, что Марфа помешалась, чушь какую-то плетет.

Учился Ксенофонт отменно ото всех и хотели отправить его в

Москву, но он отказался. И вот попросила Марфа сына, чтоб он её вынес на лужок на денёк, так она соскучилась по небу. Сын послушал, вынес её на лужок. После люди говорили, что видели, как что-то такое сверкало над лесом, как молния. И Марфы вдруг не стало нигде. Искал сын и соседи по всему лесу – напрасно.

Стал Ксенофонт жить без матери. Соседи все уши прожужжали: женись! Вон сколько девок по тебе сохнет! Ты что, боишься их? Я, говорит, женюсь на той только, которую, как и мать мою, зовут Марфой. А в деревне-то нашей и нет такой. Да и в соседних деревнях не оказалось такого имени.

В один прекрасный день сидел Ксенофонт на берегу с удочкой и вдруг увидел девушку-красавицу. Только очень длинную, худую, как былинка, бледную, а коса у неё больше метра. Чернявая такая, похожая на его мать.

– Откуда ты такая большая?

– Да я ищущу жениха своего Ксенофонта.

Так он и привел в дом к себе Марфу. Жили они долго и так дружно, что и сейчас еще в Шайдурixe живет поговорка «идут дружнёхонько, как Марфа и Сенофон». Детей у них не было.

Старожилы помнят, как они умирали. Перед смертью Марфа болела, совсем перестала видеть. Мама моя посылала им милостыню со мной, так я боялась почему-то заходить в их избушку, но послушаться матери не могла. Дяде Ксенофонту я ещё плела опояску, длинную-длинную, и с того научилась вязать.

Вот однажды прибежала я к ним – было мне лет 14 – а Ксенофонт лежит на столе, такой длинный-длинный. Марфа говорит мне: пошли к нам мать. Мать моя тотчас же к ним отправилась. Сказала Марфа: – «Я сегодня ночью тоже умру, так вместе нас и схороните. Не слушайся, родная. Судьба тебя обидела. Я тебе вот что скажу: никто у тебя не придет с фронта (шла уже война третий год), а ты долго будешь жить, и за твое послушание и доброту умрешь тихо и никому не надоешь. Ото всех бед тебя спасет твоя доброта. Милая, подойди ко мне!» Мама подошла, и слепая Марфа её погладила по голове, по лицу, руки ей пощупала.

– Помоги мне слезть с печи и иди. А завтра придешь. Да вот возьми деньги нам на похороны и себе на жизнь оставь. Война продлится еще два года, намучаешься с ребятами. Иди и сделай всё как я тебе сказала, но никому об этом не говори. Ты и молчать умеешь. Иди с Богом.

Утром мать чуть свет пошла к ним и, не поверив вчерашнему,

понесла поесть Марфе. Но уж ей не нужно было: Марфа лежала рядом с мужем на столе. Как она оделась, причесалась, никто не знает. Совершенно слепая, она так хорошо причесалась, все пуговички застёгнуты на платье и лежит по порядку так хорошо убрана. Рядом оба.

Гроб сделали, как Марфа велела, общий, широкий. Но нести его люди сомневались, кто понесет, ведь в войну в деревне одни подростки оставались. Однако гроб с телами их оказался легким на удивление, и нести его было легко. Схоронили их, помянули как положено. Мать ночью не могла уснуть. И вот, стоя у окна, она увидела, что на кладбище светло и висит какой-то шар. Сказать об этом она никому не могла – засмеют. Но все 9 дней летал этот шар над кладбищем.

Мама моя умерла в 80-м году 80-ти лет от роду. Умерла тихо и никому не надоела, как и предсказала ей Марфа. (Остальное тоже сбылось; с войны никто не вернулся.) И вот уже перед смертью мама рассказала мне всю эту историю Марфы и Ксенфонта. Она наказывала мне делать добро людям: «Сделал тебе человек худо – а ты ему 10 раз сделай хорошо.» Историю про Ксенофонта не велела никому рассказывать, а то, говорит, засмеют, за дуру посчитают. Я впервые эту заповедь нарушила, не знаю уж, к худу или к добру...

История, рассказанная Марией Николаевной Сулопаровой, дается в самой осторожной обработке (сокращены неумышленные повторы, слишком тяжеловесные конструкции и т. п.), но, главное, ни единого штриха здесь не добавлено. Сюжет стоит особняком в собрании моей современной мифологической прозы среди легенд и сказаний, былей и небылиц, что бытуют до сих пор по всей России, являясь классикой – оборотни, ходящие покойники и пр. Приведенная история – явление единичное и конкретное. Она повествует о действительных персонажах, которых хорошо помнят многие жители деревни. Я расспрашивала пожилых жителей, и они подтвердили, что Ксенофонт и Марфа были необычного вида: он крепкий, статный даже в старости, она очень высокая и худая. Надо заметить, что никто в деревне не подозревал, что имя Ксенофонт происходит от греческого ксенос – чужой, странный, необычный. Пару эту в Шайдурixe считали «с приветом», как у нас водится, ведь они жили «не как люди». Ни с кем не водились, родственников у них не было даже в соседних деревнях. Однако, похоже, только в семье Сулопаровых подозревали, что эта пара – пришельцы с иной

планеты, вернее, люди, зачатые от инопланетян. Но, возможно, это уже версия моей рассказчицы, а ее мать, непосредственная участница событий, склонялась к неопределенной мысли, что они оба «оттуда», т.е. с неба, не уточняя сюжета об «иномирье».

Сам сюжет начался с матери Ксенофонта, ее предсмертного рассказа о таинственной встрече в лесу (а где же еще?!) с кем-то, кого она не квалифицировала однозначно. Скорее всего, рассказ матери моей собеседницы, состоявшийся в середине XX века, ориентировался на «чудесное зачатие» от жителя неба, ангела, а уж потом в сознании ее дочери обрел черты «духа времени», пронизанного ожиданием инопланетян...

Как бы то ни было, в рассказе соединяется образ инопланетных пришельцев с традиционным образом неведомой силы, небесных помощников. Знаменательно, повторю, имя Ксенофонт, что можно перевести как «сын иного пространства».

Старичок в лесу перед явлением таинственного пришельца – явный отголосок старичка-лесовичка традиционной общеславянской мифологии, а вот огненная его кошёлка – это типичный именно для Урала знак клада, обозначенного огнём. То, что Марфа говорила со своим возлюбленным зимою, уже воочию не видимым, (когда их встречи в лесу прекратились) – также известный сказочный мотив невидимого волшебного героя.. В то же время можно предполагать бессловесное общение, обеспеченное невиданными на земле техническими достижениями пришельцев. Тут также мотивы мифологические и научно-фантастические сливаются воедино.

История ценна тем, что она, как и другие в этом сборнике, не выдуманна литератором, а живет в недрах народа.

В завершение раздела современной мифологической прозы выражаю особую признательность рассказчицам – из деревни Шайдурово близ Невьянска пенсионерке Марии Николаевне Суслопаровой

и учительнице из города Богданович Антонине Михайловне Хлыстиковой.

Тропарь Неопалимой Купине

Глас 1-й

Иже во огни показавшейся и во плоти явившейся Моисееви прославим образ! Иже законнаго совершенства Аарону образ скинии показав благодатию, Ея же молитвами, Христе Боже наш, умири жизнь нашу яко человеколюбец!

Канон Святые Купины

Ирмос:

Волною морскою скрывши древле
гонителя и мучителя,
под землёю скрывши спасённых детей,
но мы, яко отроковица Господеви, поём,
славно бо прославися!

Запев:

Пресвятая Госпоже Богородице,
улыши молитву раб твоих,
молящихся Тебе!

Помраченную душу мою, Дево,
иже омрачил страстьми деяний,
светлее солнца, иже слави,
милостью просвети

и к свету настави

хвалящих тя, Всехвальную!

Праотца, Дево, вкушением древа преступление –
обоим терние.

Но ты сие пополаеши огнем божественным,
иже в Купине те, Владычице,
огненный предуготовлен престол.

Владычице Пречистыя, Слава!

Место, на нем же ты стоишь, яко столп
и неудобь прикоснуться здесь.

Глас божий возвал в Купине
яко же слыша Моисей,

восстав же, узрел Святую Владычицу огнем неопалиму.

Гора Синайская божественная благая паче всех гор,
на неё же сошел как огонь,
положив на земли последи Купину,
опалив неопалимо;
его воспоем:
слава воплощению Твоему!

Духовными очами все предочистив,
Моисей Боговидец пророчески Тебе, Купину Неопалимую,
провидел, и Рождество Твое, Владычице, предрек!
Тем же исхожения его видения и мы ныне зряще,
богомудренно взываем Ти, Богородице,
молимся даровати нам,
верно поклоняющимся Рождеству Твоему,
грехом оставление и велию милость.

Ирмос:

Тебе, на водах повесившему всю землю неодолимо,
тварь видевшему на лобном месте висящу,
ужасом одержиму бывшу,
несть света разве Тебе, Господи!
Яко да тернием, всехвалимая,
попаляеши ереси Рождеством Ты, Дево,
Купину огнем неопалиму показа!
Тебе, Преобразующей, Пречистая,
огнь непостоянный родити хотящу,
Пренепорочная,
поклоняют выю полки ангельские,
видя огненных начальников обстоящих
сверх естества Тя, Опаляему, показующуюся.
Слава!

Устрашается пророк Моисей Твоего видения,
удивляется умом Пренепорочной,
многоразумом огонь божественного духа узревшей!
Корень от терния прельщающий,
корень, затворивший всё созданное, –
иссыхает весь огнем божественным,
иже Купина ты, Пречистая!
Спаси от бед рабов Своих, Богородице, Дево,
яко вси по Боге к Тебе прибегаем
як к нерушимой стене и заступлению.

Еже на кресте Твое божественное смирение
вперед зря Аввакум дивясь вопиял:
«Ты сильных ссече державу,
благий приобщая сущим во Господе, яко всемогущ.»

Новоявленное всяческое огненное прежде явленное очищение:
купины неопалимой огонь испускаеши,
божественное ныне содержащи естество.
Усну – паки Тя провиде и яко от земли лествицу возносим.
Моисей же купину ту видя очевидную огнепалную,
но не опаливше Владычицу.
Слава!

Увядает пламя естеством воды,
и железо огонь, и камень опаляет.
Купина же не опали Тебя, Благая,
приемлет разрешение огню непостоянному,
закон смертный извнутри прободет.
Иде Купина честная – терн, и гной изливав,
и божественно очистися огнем Ея,
Всенепорочная.

*Записано мною в старинном старообрядческом селе
Нижнеурганском Красноуфимского района Свердловской области
в конце 1990-х годов. Выписано из рукописной тетрадки в доме
пожилых старообрядцев.*

Сон Богородицы

Дева Мария, где спала?
У Христа на Престоле;
увидела сон преустрашный!
Иисуса Христа враги пиловали,
златой венец снимали, терновый надевали,
из-под правого крыла кровь добывали.
Из-под этой Крови выросло Древо,
на том Древе свечи горят и ладан пышет,
всем церквам украшение и всему миру спасение.
Кто эту молитву знает, по дому читает,
тот спасен будет от огня и от пламя,
и от нечистого духа,
от лесного заблуждения,
от водного утопления.
Аминь.

*Эту молитву – одну из множества «Снов Богородицы» – я в 70-е
годы XX века перепечатала на машинке из тетрадки своей бабушки*

Домны Ефимовны Сидоровой (Жунтовой-Черняевой) и так хранила.

Итак, в деревнях наряду с языческими обрядами сохраняются христианские мотивы, хотя духовные стихи «приспособлены» к языческим верованиям, часто имея форму заговоров, оберегов.

В приведенной молитве-обереге (в сущности это народный духовный стих, который, видимо, сохранился не полностью), примечательно, что из Крови Спасителя вырастает Древо Жизни – оно же Древо мира. Здесь оно представлено зримо как полное свечей и ладана; такое вот древо с украшенными свечками ветвями и представляемо на Рождество – рождественская ель.

Старая тетрадка

Разбирая залежавшееся, наткнулась на старые пожелтелые листки. Что это? Крупный почерк, малограмотные и порой вовсе неудобочитаемые буквы вкривь-вкось и непонятные слова. Мое давнее-давнее прошлое, добровольное – под влиянием дружбы с ныне покойным писателем и фольклористом Дмитрием Балашовым – скитание по селам и деревням Свердловской области. Там, в старообрядческом селе Таватуй обрела эти листки. Заговоры!

Листки пожелтелые, буквы полустертые, еры и титлы и Ъ в конце слов, образы позабытые. Но какие! **Луцильный мозг...** Не сразу разобрала буквы, но, поняв, ахнула: луцильный (написано по произношению: лушильный)! Из какой глубины веков пришел этот образ – острого, режущего, аналитического мозга. Проблемы решает – как орехи щелкает (луцит)! Или – «слово крепче булатной стали»! Истлевает сталь, но сохраняется слово – скажет Ахматова.

Поражает и такая неожиданность: заговаривают от встречи с ... попом и дьяком! Ясно – тексты от староверов беспоповского согласия. На русском Севере селились эти старообрядцы, связанные, видимо, родственными узами и с жителями старообрядческого села Таватуй под Екатеринбургом, где я бывала летами. Там и обрела тетрадку, принадлежащую, как оказалось, первоначально жительнице северного Каргополя. Какую же нетерпимость обнаруживают давние тексты, какую вражду между официальной и старой церковью...

Но пора показать текст старой тетрадки, правда, без еров и титлов, осовремененный ради удобства прочтения.

Итак, текст:

(Начало отсутствует; по смыслу – изгони болезнь)... из её нутра, из её живота, из белого тела и ретивого сердца, из черных бровей, из зеленых очей, из луцильного мозгу,* из-под щек и горла, из семидесяти жил, из семидесяти суставов – изо всего человеческого стану. Кости бы не ломило, тело бы не знобило, жилы бы не тянуло. Кось с косью, жила с жилой, сустав с суставом, повеци, отныне довеку, вовеки веком

Амінь.

Ольгу *(в оригинале — Имрк — имя рек)* соими, ГДИ (Господи), и сопахни своей ризой нетленной и свечой неугасимой. (А) урочию, озевию, переполочию, худую худобицу, худую западную, рассыпную, рассыпной родимец из кости, из суставов, из синих жил, из горячей крови посади, Господи, в темное место; в темном месте трава не растет, солнцем не хватает, тут дожди не берут.

Не в сахарном море ключ, сустав, замок я замкну и заключу в век повеки, вовеки веком

Амінь.

Закрой, Господи, защити от белова, от русова, от чернова, от червленова, от девки-простоволоски, от бабы-самокрутки,* от матерной хулы, от отцова зломышленья, от попов, от дьяконов, от двоежонова, от троежонова, от двоезубова, от троезубова... *(конец утерян)*.

Две сестрицы, 2 Марии (?) Трава подкошона, земля подорона (поборона?) Как утренняя заря тухнет, вечерняя меркнет, так бы потухли и померкли у рабицы Божьи – имярек – потухли и померкли урочию, озевии, переполочию. Худую худобицу, худую западную, рассыпную, росыпной родимец – из кости и суставов, из синих жил, из горячей крови, посади, Господи, в темное место. В темном месте трава не растет, солнцем не хватает, дожди не берут. Тут ему (уроку) не питеры не итеры (!) Не в сахарном море ключ, сустав, замок я замкну и заключу повеки, а не до веку, вовеки веком

Аминь.

Которы я слова договорила, которы не договорила, составьте мои слова слово за слово. Буде мои слова договорны-непереговорны, сохватаетесь мои слова слово за слово, будьте мои слова крепки и лепки, крепче камня, крепче булату, булатного топора. Положу эти

слова во Киян море (так!) В окияне море лежи, злат камень. Батюшко злат камень, вверх не поднимаешься, вниз не опускаешься. Положу под тебя ключ крепкими словами. Кто придет по этот ключ, будет моим словам пособник и помощник. **

Вовеки веком

Аминь.

Примечание

Оригинал приводимых текстов представляет собою четыре развернутых листка школьной тетради в клеточку, сшитых белыми нитками. Заголовков на первой странице – она же обложка – гласит: «**От родимца наговоры**». Родимец – эпилепсия, а также судороги различной этиологии. Всего же родимцев двенадцать. Они носят название по больной части тела: родимец пуповой, сердцевой, внутренней, суставной, жиленной, костяной, ручной, глазной, ревун, говорун и прочие. (Данные из Интернета).

Текст заговоров написан химическим карандашом крупным почерком малограмотного человека с орфографическими ошибками; пунктуация за исключением редких точек отсутствует. Однако владелец тетрадки пользуется ъ в конце слов, кроме того, вставляет вышедшие из употребления буквы церковно-славянского алфавита. Слово Господь пишет с титлами.

Некоторые слова разобрать не удалось, они даются в круглых скобках предположительно. Явные описки исправлены, запятые расставлены по смыслу.

Окончание наговоров формулой «во веки **веком**», (а не вовеки **веков**) говорит о том, что тексты принадлежат старообрядцам. О том же свидетельствуют слова наговора «от попов и от дьяков» – очевидно, тексты принадлежат старообрядцам беспоповского согласия. Село Таватуй – старообрядческое.

Под обложку переписчица наговоров, видимо, в виду дефицита бумаги, использовала рукописный текст договора о продаже дома, что оказалось кстати для идентификации владельца текстов. Договор, написанный чернилами довольно грамотно убористым почерком, гласит:

« Договор
1959 года 11 марта.

1. Я, Санникова Наталья Сергеевна, продала принадлежащие мне домовладения, находящиеся в селе Каргополь по ул. Береговой, состоящие из избы с сенями, гр. Шерстобитов Михаил Павлович покупает данное домовладение.

2. Деньги за проданное домовладение покупатель Шерстобитов М.П. полностью оплатил (так!) при заключении настоящего договора в сумме 4 800 рублей.... и т. д.

Подписей нет, очевидно, что это черновик договора, выявляющий имя владельца тетрадки, место ее происхождения: русский Север, Каргополье – кладовая фольклора, где селились старообрядцы.

Тетрадка получена мною в селе Таватуй в 90-е годы (точная дата и обстоятельства приобретения не зафиксированы)

* Луцильный мозг – как я предполагаю, острый, пронизательный мозг. Девка-простоволоска — девушка с непокрытой головой, что было позорным в среде старообрядцев. Баба-самокрутка – женщина, вышедшая замуж против воли родителей, без их благословения.

** Слова *крепче булата* приводят на память знаменитую формулу Анны Ахматовой:

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор – к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное слово.

Сельские встречи

У истоков

В начале мая зарядили дожди. В самый раз: только просохла земля после снега, и пошедшая в рост трава и клейкие зеленые листочки просят пить. Свет мягко приглушен, солнце близко за кучевыми облаками, и из них сеет что из лейки.

Еду по своим фольклорным делам в деревни и сёла возле Богдановича – Ильинку, Волкову, Щипачи. Два часа электричкой, а попадаешь в другой мир, в другой век. И люди другие, на них отсвет иных понятий, иного образа жизни. Самобытные и яркие типажи, раздолье для литератора. Пантеон Ильинки читается как поэма – эпитафия из гоголевских «Мёртвых душ» с перечнем деревенских умельцев. В Ильинке с белокаменной церковью на горе насчитывалось несколько сот жителей — несколько сот

биографий, характеров, судеб.

Василий Петрович Ушаков шил на продажу ботинки, сапоги. Офимко плел ковры из камыша.

Василий Павлович ладил решета из конского волоса.

Федосья-крашельщица имела краскотёрку, кисти, краски – ходила по домам, раскрашивая потолки, двери.

Мурушко и Аксёнушко ловили рыбу на болоте и продавали, деньги пропивали, жен не имели. Зимой чистили проруби и брали «пролубное». Проруби укрывали соломой, обставляли ветками от заносов снегом, лед долбили наново каждое утро. На Крещение обводили прорубь краской и рисовали голубя. Отец Павел макал крест в прорубь, и бабы долго после этого не полоскали там белье.

Перфило, Перша – у него собирались вечерами мужики играть в карты. Ганя – у них со старухой была большая изба, и там всегда жили цыгане. Часто там собирались мужики и слушали от цыган всякие новости. Часто бескорыстно.

Опрошка и Маришка были немного не в себе, отличались силой, не брезговали никакой работой, робили бескорыстно.

Лушка-Бутышка – уродливая баба с деревянной ногой; руки – без кистей. Руководила нищими у паперти. Антипка и Ванька, её сыновья, ходили всегда ухоженные, чистенькие. Бутышка умела каким-то образом делать всё, умудрялась даже вышивать.

Дуня-Бродиха – старая баба с седой бородой; часто ходила в церковь.

Братьев Санушко и Данилушко звали «вдовятами»: оба рано овдовели. Жили на болоте, ходили всегда босиком. Увидят змею, ступят ей на голову; – У-у-у, гадина! – и идут дальше.

Бабушка Фиёна знала наговоры, принимала роды.

Поп Павел Назарович был сыном богатого помещика, хорошо пел, рисовал красками, строгал из дерева...

Односельчан своих ровно на блюде видела Наталья Петровна Сажаева, а дочь ее Шура записала с её слов в тетрадку про жителей материнской деревни Ильинка. Спасибо ей, поделилась со мной своим сокровищем, воистину бесценным для бытописателей уходящего сельского образа жизни. А рассказы этих жителей – часто ёмкие, сжатые до афоризмов, новелл. «Глухонемую родственницу привезли к попу на исповедь». «Дед Петро надевал к обеду визитку и брал с собой алмаз: пока идет в церковь, вставит где-нибудь стекло и заробит денег».

Видение жизни деревенского жителя – сюжетное, притчевое,

склонное к драме, а лучше к трагедии. А здесь ведь еще и особый – Уралу и Сибири свойственный – тип русского характера: склонный к подковырке, ехидце, курьёзу. И какая цепкость взгляда, войдешь в избу – ровно рентгеном просветит!

... Сегодня пришла пора собирать по крупицам уходящее: явилось сознание конечности бытия нации, необходимости с трепетностью скупого рыцаря беречь каждую былинку былого. Пока еще оно не умерло, еще живо и трепетно. Вот в деревне Волковой мне была представлена картина яркой утопии про некий Рай в «прекрасном далеко» (речь шла о том, что якобы «один человек» побывал, забранный «тарелкой» на иной планете). Рай – это, конечно же, цветущий луг. А вот грешники на этой праведной планете живут в выжженной пустыне, где под колючками разгуливают адские звери-ящерицы, похожие, заметим в скобках, на сказочного змея. Там же представлено и озеро кипящей смолы.

– Вот это смола-то для нас. Всю землю мы изгадили, всё прежнее порушили, – заключила рассказчица, старая женщина. Имя её не привожу, дело давнее и рассказчицы, наверное, давно уже нет на свете. Это мы обходили и расспрашивали старушек деревенских, а было нас трое: кроме меня, краевед из райцентра города Богдановича Антонина Михайловна Хлыстикова и художница Александра Петровна Гурьева-Сажаева.

... Недалеко от Волковой за полями виднелась крышами бывшая деревня Щипачи. Это родина известного в свое время поэта Степана Щипачёва. Он был из бедной семьи, тихой и ласковой.

– В Волковой все как-то с подковыркой друг к другу, у нас не так. Невеличка деревня, соберемся, бывало, на вечерку все в одной избе. Жили в Щипачах дружно.

Феномен Урала: рядом деревни, а характер жителей, взаимоотношения разнятся. И говор у нашей собеседницы здесь напевный, взгляд синих глаз мягок и лиричен, разговор всё больше о цветах, птицах да дивных полянах, что окружали родную деревню. Каких только цветов там не росло!

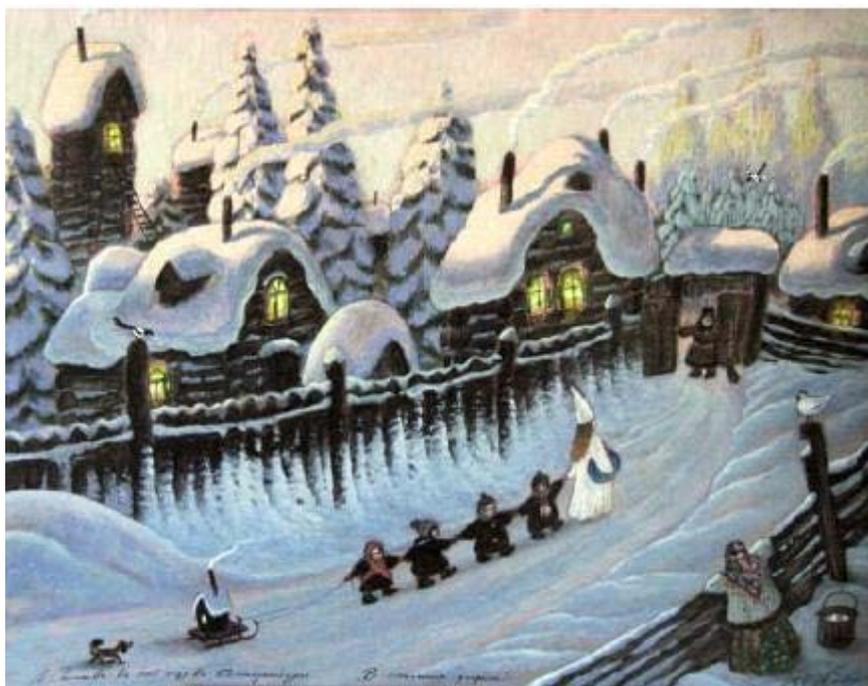
– А что стало с деревней?

– Школы не стало, магазина не стало, из-за этого деревня разъехалась. Стояла на берегу, с её скатывалось, никогда не было никакой грязи, щистая (чистая) была деревня. А после дождя не надышишься! А светов сколько! Вот выйдешь на поляну – или голубо, или жёлто, и кругом лес, и кругом ягоды. И любые ведь, не подумайте, что одни какие-то, а и земляника, и клубника. Пойди-

ка под елань: смородина, черёмуха, а по этой стороне и боярка, и шиповник, и всё вообще! И вы знаете, весной такой запах! Вот выйду утром – и с горей (с гор) светами пахнет...

Вот из какой деревни поэт Щипачев. Хочешь понять художника – поезжай туда, где он родился. Ничего не понять без истоков. Из ближних мест и уральский художник Михаил Сажаяев, чье творчество – волшебный сон о России, её снегах, избах, облаках, бабах. Это ведь у него выпелось: «Бани, качели, дожди...» Так называется цикл его знаменитых живописных работ, пронзительно-поэтичных, тоскующе страстных. В чем волшебство его деревенских сцен? И не сказать точно, как это сценка возносится из реальности в ирреальное пространство русской сказки. Двойное зрение. Головокружение, эйфория, как на качелях.

Деревенские качели – это расписная Пасха, Куличи и красные яйца, первая зелень, дурманящие звоны... Крутятся ярмарочные расписные кони среди леденцов, пряников, орехов, петрушек, медведей, цыган. Веселье через край, прочь от будней! Морока, смех, фарс, балаган!

Михаил Сажаяев. Утро сочельника

На Масленицу мужик «засевал мост» в Ильинке. Приезжал с боронами, хлебом, логуном с водой. Его мальчишка мост «боронил», а он «сеял» – мякину бросал. Все хохотали, а он был

серьёзен.

В Духов день водили хороводы, пели «луговские песни». Наряжали берёзки и ставили по улицам. После службы в церкви всем раздавали смородинные ветки, их бросали в реку: чья утонет – тот в этом году помрёт.

К Ильину дню заканчивали сенокос. Звонили колокола. Нарядные бабы с кучами ребятишек высыпали на завалинки. В этот день варили травник с пахучим лабазником и донником, ели самодельный сладкий сыр, шаньги со сметаной, творогом, картошкой. Носили яркие «парочки» (юбку с кофтой), красиво смотрящиеся на фоне зелени.

Важное место в жизни занимала любовь. О любви много пелось народных баллад, романсов, рассказывалось историй. Вплоть до XX века рассказывали щипачёвцы о любви поэта к соседской девушке Лине, красавице, которую отказались отдавать замуж в бедную семью. Любимых здесь звали: духанька, милочка, ягодинка, залетка, болечка, матаня.

– Сколько лет вы прожили с мужем? – спрашиваю в одной избе.

– Тридцать. – и шопотом, чтобы не слышал муж в горнице (обоим за 80), дополняя энергичной мимикой: – А до него много было. Оторвала я от жизни! Успевайте, девки, пока молоды! Жили, не скупились! – Она за своего последнего выходила в 50 лет, а на свадебной карточке стоит молодешенька. И душевных сил не убавляется. С каким жаром эта пожилая женщина поет народные песни, рассказывает нам свадебные обряды. (Имени по её просьбе не упоминаю).

Выйдешь из такой избы и снова мысленно воскликнешь: да как же такой народ мог впасть в «сталинское баракко», свести жизнь к унылой униформе, убогости винтиков! Слом. Роковая подмена... А вот и легенда на знаменитый сюжет роковой подмены...

... Иван Купала. Полночь. В неверном свете месяца тонут избы, глухо ухаёт филин в ближнем лесу, во тьме неведомым цветом расцветает папоротник. В заброшенную баню на спор идет молодой парень. Там видение: огонёк – и вокруг девушки в белых платьях с распущенными волосами. Последняя им минутка залучить жениха – манят открытыми жадными губами, блистают очами.

– Выбери одну из нас, тогда отпустим!

Храбрец наш – уж он дрожит, да деться некуда, дверь заперта и

не шевельнуться, как во сне, – тычет пальцем наугад. Расхохотались – и исчезли вмиг. Темно, баня отперта, рог месяца застрял в притворе, поблескивает в предбаннике паутина. Щеки у парня полымем, сердце хочет вон из груди...

Дома новоявленный жених во всём признается матери, а та: – «Делать нечего, коли слово дал. Скажем, что взяли невесту из соседней деревни».

Невеста перед венцом явилась разряженная возле той же заброшенной бани. Тысяцким взяли соседа. Наутро после брачной ночи молодые наносят ему визит. А у него посередь избы в зыбке криком кричит «младенец»– урод осьмнадцати лет от роду. Знай орёт, ни ходить ни говорить не умеет, а они с женой на него работают. Молодая просит осиновое корыто и топор. Выхватывает уroda, бросает в осиновое корыто, набрасывает сверху платком и бьет обухом. Никто не успевает ахнуть: молодая сбрасывает плат, а в корыте – осиновое полено!

– Вы осиновое полено вместо своего родного дитя нянчили!

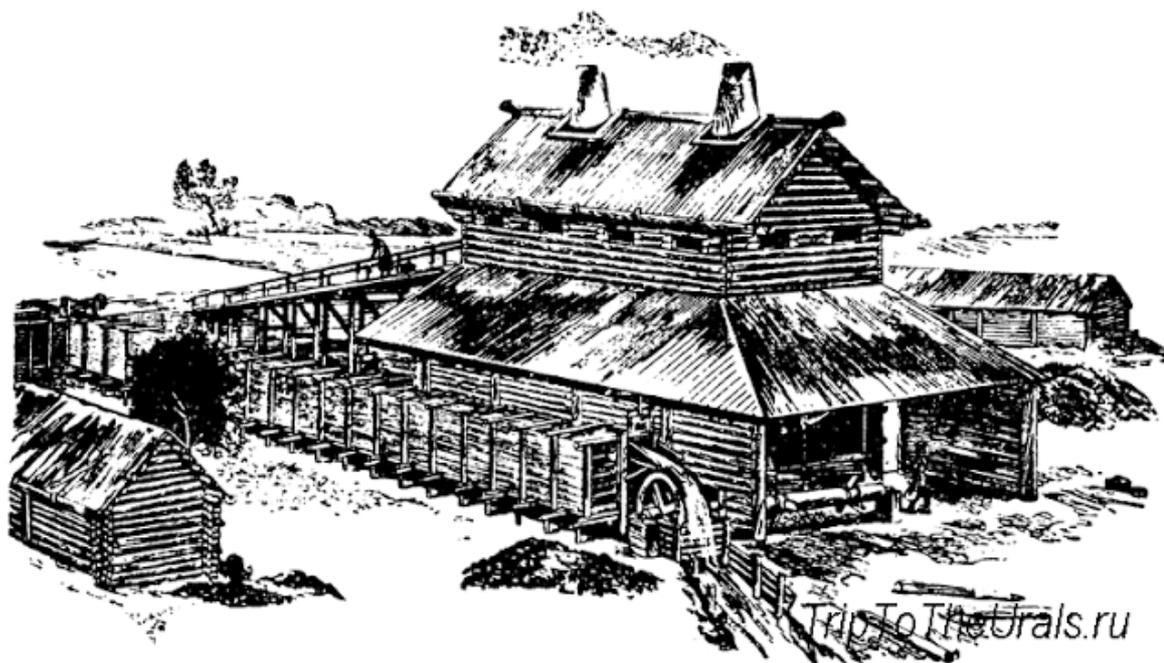
Меня маленькую в бане оставили на минутку некрещёную – бес-то и подменил! Я ваша родная дочь! Традиционный сюжет о роковой подмене записала я (в своей обработке) в деревне Щипачи. Не так ли и мы с рокового большевистского переворота лелеяли осиновую чурку, забросив родное дитя?..

Старатели

Раньше на Урале *старались*. Стараться – мыть золото или платину кустарным способом, не отрываясь при этом от своих крестьянских хозяйств; золото рыли порой прямо у себя в огороде.

Особенность уральского горнозаводского рабочего XIX века была в том, что он оставался в то же время крестьянином, а многие еще и мыли золото и платину для себя. Богата уральская земля!

Самой природой было предназначено быть Уралу главной кузницей страны, обеспечившей Россию железом непревзойденного качества. Демидовское железо славилось по всему миру.

Указом Петра I в марте 1702 года был предприимчивому Никите Демидову отдан во владение Невьянский металлургический завод — и тем положено славное начало уральской тяжёлой промышленности.

Село Висим близ Невьянска – настоящее горное гнездо. Глядя на добротные, крепкие, из вековых сосен дома – с пилястрами, за-тейливыми тяжелыми воротами-теремами, часто двухэтажные, штукатуренные под белый камень, а то и вовсе каменные, понима-

есть – здесь жили старатели. Жили по большей части справно. Одевались добротно, по моде: меха, хром, шелк, кашемир, бархат, кружева, украшения. В домах я еще застала лепные потолки в просторных горницах, мебель красного дерева, парижские напольные часы.

Здесь, среди красоты рукотворной и нерукотворной – горы вокруг синеют что в твоей Швейцарии – душа распрямляется, съжившаяся среди бетонных коробок, отравленная бензинными парами. И разговаривать с людьми, в случайной даже беседе, одно удовольствие.

– Я родом с Сулатки, – пожилой человек, моложавый, подтянутый, разговаривает со мной охотно; нам по дороге. А потом по моей просьбе продолжает рассказ уже у себя дома:

– Мой отец построился в 1915 году зимой. Он робыл в заводе, в сварочном цехе «посады садил». 25 лет выробил, а потом его дядя Зина Знобин (Зиновий – О.Щ.) сманил на старание на Висимкучечку. Там они нашли поддерники (поддерновую платину), его и завлекло. Только больше не могли натакаться – и отец все простарал. Ему бы остановиться, а дядя Зина его подсалтыкивал: пошли снова ширповать (шурфовать)! «Не робей, ширпуй – земля в долгу не живет!»

Богач Селиванов жил против церкви (он потом много и на церковь жертвовал, а священником в ней стал отец Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка Наркис Мамин – О.Щ.). Этот богач отцу моему охотно давал в долг продовольствие. Заробишь

– рассчитаешься! Наворотит отец воз: аржаной мешок, крупчатки мешок, чаю, сахару. Так на 500 рублей набрал, а отдавать нечем! Продав корову за 250 рублей, потом и дом – и отдал долг – «чтоб в смертный час душу не сосало». Купил пять мешков крупчатки (муки высшего качества – О.Щ.) да по снегу на Сулатку и уехал строиться.* Приехал к старицам; я их хорошо помню: тетка Марья, тётушка Федосья, тётушка Арина и их дети – Иван да Венко (Венурий), Юлия и Вера. Они держали корову, огород, а основная их работа была – старообрядческая служба. Они были староверы. Жили в Висиме богатые люди, и они везли старицам хлеб и продовольствие за помин души своих близких – кому година, кому ангельская память.** К этим старицам и приехал отец, безлошадный. Вы знаете, что такое лоток? Так вот, отец его на морозе облил, днище сделал как каток, и на нем возил из лесу брёвна. Лоток скользит, и бревно тесаное подмороженное скользит

– так и натаскал, как Воронко. Выстроил дом, сделал себе мастерскую. Ладил там шкафы, столы, этажерки, летом на продажу красивые гнутые брочки, грабли. Заказу было много; скоро обзавелись лошадью, коровами, скотом.

Тятя сделал мне маленький токарный станок, когда мне было восемь лет – сделал с ножным приводом, и я стал точить на нем веретёшки, точил и нажигал поясок (на веретене). А потом купили цветные карандаши. На ярмарке бабы набегут: ой, как ты под старость стал раскрашивать! – говорят отцу. «Это не я – вот у меня сын мастер!»

** Зимой обычно не строятся, новую стройку затевают в начале лета.*

*** Ангельская память – молитвенное празднование Дня Ангела усопшего человека. В этот день усердные родственники заказывают обедню и панихиду (или литию). А потом после посещения храма отмечают этот день – молятся, поминают, смотрят фотографии и т.д.*

Трудолюбие не извелось на селе. Можно рассказывать о семьях Шурыгиных, Мочаловых, Катаевых, Вахтомовых, Нерушей, Тамаровых. Их дети, внуки не посрамят памяти отцов, что на приисках старались и за плуг крепко держались. Вон Кондратий Иванович Мочалов дом какой отстроил! Белый, под камень, с деревянным теремным затейливым верхом, где веером расходятся лучи солнышка. Хоромы. За тот дом трепали Мочаловых в 1918-м году, а Машу – Марию Леонтьевну, внучку, выгнали из педагогического техникума как дочь «кулака». У отца её Леонтия Кондратьевича было 14 детей, и все робили с 12-ти лет. В 4 утра вставали – жали, косили, сено гребли. Понятно, и жили не бедно. Маша мечтала учить детей, но не дали выучиться.

Рядом дом Шурыгиных поражает величиной и крепостью: из неохватных, былинных брёвен складен. Строил хозяин на спор с соседом, кто лучше постройтся и быстрее. Чудо: за месяц возвёл хоромину с горницей – с порога до конца не видать.

... Тут впору бы книгу писать, а не беглый очерк. Только уж там будут радости и горести перемешаны, доброе и злое... и не знаешь, чего и больше...

Разбойнички

Примечательна гора Ежовая под Верхним Тагилом.* А почему её так зовут? Скажете, похожа на ежа из-за острых ёлок на округлых очертаниях. Это да, берется в расчет, но главное тут – легенда о страшном происшествии, о злобе и благородстве, об умении помнить добро и благодарить. Горнорабочий Ежов по прозвищу Ёж убил на этой горе лютого приказчика и скрывался на этой же горе в лесу. Ему помогал – подкармливал, приносил на гору тайно хлеб – односельчанин, которого Ёж отблагодарил тем, что показал богатое месторождение руды.

Здесь, в Висиме, столько живет глухих и тёмных преданий, что сам Лесков не сумел бы, пожалуй, все описать. Вот трагедия, близкая по сюжету к «Преступлению и наказанию».

Филипп Дементьевич Ковальчук жил в каменном доме, скупал платину. Был всеми уважаемым церковным старостой. 20-летний

Андряшка изредка приходил к нему колоть дрова. Как-то он пришел вроде бы сдавать платину, и пока скупщик рассматривал товар, парень выхватил нож и пропорол старика насквозь. Сама жизнь повторяет сюжеты литературных шедевров. Жил тот парень в бедности, бездомный, на постоялом дворе у Кати Приваловой (то ли прозвище, то ли правда фамилия так подгадала), и вот, когда пришел к Кате, весь дрожа, та его спрашивает: – Почё это у тебя сапоги в крове и палец перевязан?

– Да я телка колол.

** Ныне гора Ежовая – известный в Свердловской области горнолыжный центр.*

Капиталу убийца взял мало: помешали ограбить, дело-то днём было. И так же, как в романе Достоевского, загубил он еще и другую невинную душу – жену скупщика, выбежавшую на стук упавшего тела из кухни.

Сюжет этот рассказывает мне старожилка Висима Анна Александровна Петрова, и рассказов её не перечесать. Чего стоят одни только Бешены ложки (лога). Сколько там страшного свершалось!

– Как-то под вечер приехал к моему тятю, старателю Роман Иванович Нёруш – тоже известный в Висиме скупщик платины, именитый хозяин, владелец больших домов. Тятя ему: – Не ездь в ночь, Рома! – Тот не послушал, поехал. В Бешеных ложках его и

убили...

... Не эту ли муть – тёмную стихию, не просветленную лучом веры и совести, и вынесло на поверхность волной Русской революции? На крови, жажде отобрать и разрушить раскрутилась пружина переворота 17-го года. А ведь закваска была евангельская: вера в град Китеж, надежда построить рай на земле. Сходятся, вечно сходятся в России Бог и дьявол. Где бог – там сейчас же и дьявол выскочит. Что тут творили в Висиме, да и везде – волосы на голове шевелятся: с живых шкуры, говорят, сдирали, со своих же односельчан. Экс-про-приация. Отобрать. Выгнать. Низвести. Пусть всем равно будет плохо. И до сих пор жива, не уходит психология крепостных. Нет чувства хозяина страны, или хоть своего же края, своей деревни. Вот лес. Колеса по Уралу, ужасаюсь: вывозят лес – могучий, корабельный, золотой. Последний. Грабят Россию у всех на глазах, средь бела дня терзают её. Здесь, в Висиме, оголили уже почти все ближние уголья. Все в голос говорят: мелеют от безлесицы реки, изменился климат, гибнут урожаи. Все видят, все понимают – и молчат. Только меж собой шушукуются. Привыкли, что то дело «господское». Вот приедет барин, барин на с рассудит...

Мифы

И вот моя Россия снова стонет по кнуту. «Барин, посеките нас, разбаловались мы!» – так и слышишь холопский вой со всех сторон.

... В избу забежала соседка, спасаясь от пьяного мужа (грозится, конечно, убить, ни больше ни меньше) – и завела «на досуге» по случаю «светский разговор». В журнале она вчера увидела Сталина на трибуне – смеющегося, в кителе, с ребенком на руках. – Вот на Сталина клеветают, а он ведь всегда в кителе ходил. Больше у него ничего и не было. (То есть та же идея: плохо как у всех.)

– Так у него вся страна была – его. И он в ней треть нации уничтожил.

– А зато при нём порядок был!

За то! И ведь так же людоедски рассуждала не только глупая забитая до полусмерти баба, а видные деятели партии и советского государства. Почитать хоть Молотова – впечатляет не меньше, чем «Майн Кампф».

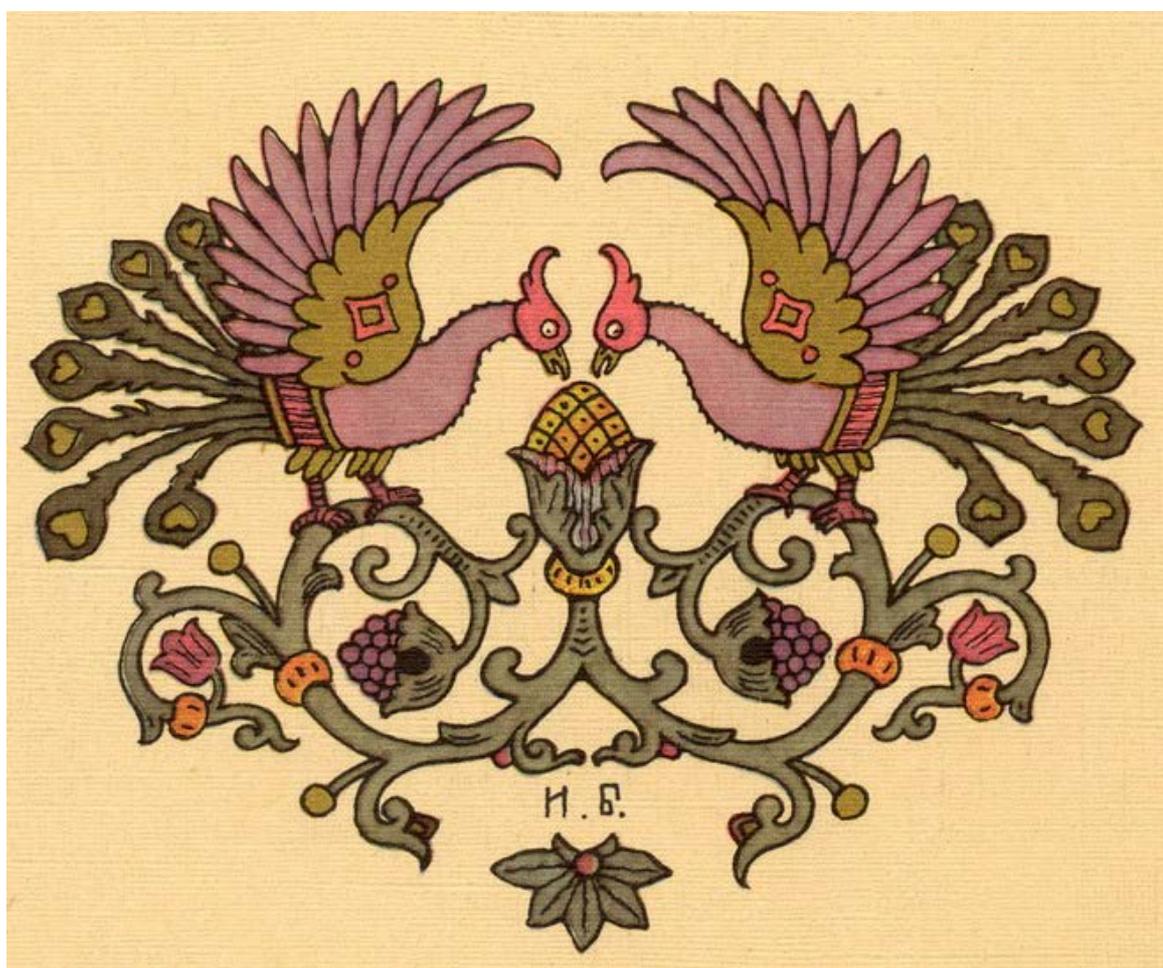
Бедный терпеливый, легковерный народ! Как легко тебя соблаз-

нить и увлечь! Ты или святой – или дурень. Да ведь, впрочем, дурни на Руси – святые...

Верят скорее мифам, реальность убеждает мало. И ничему не учит.

Народ наш, он и добр – он и зол. И легковверен – и недоверчив. Он и мудр — он и глуп. Он и вор – он и свят...

Старатели – это ведь в исконном, первоначальном смысле – ревнители, попечители, великие труженики. Россия – как нужны нам сегодня твои старатели...

Иван Билибин. Заставка

Славянский лексикон

Слово о полку Игореве, Игоря Святославля, внука Олегова

фрагмент

Не славно ли нам будет, братие, начати старыми словесы
трудных повестей о полку Игореве, Игоря Святославлича?
Начаться же той песне по былинам сего времени,
а не по обычаю Боянову.

Боян бо вещей аще кому хотел песнь творити,
то растекался мыслию по древу, серым волком по земле,
сизым орлом под облакы; помнил, бо, говорят,
(ещё) первых времен усобицы.

Тогда пускал 10 соколов на стало лебедей –
который достигал, тот первый и песнь певал
старому Ярославу, храброму Мстиславу,
иже зарезал Редедю пред полки Косожския,
красному Романови Святославличу.

Боян же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пуцаше,
но своя вещи персты на живые струны вскладаше –
они же сами князем славу рокотали.

Мы же почнём, братие, повесть сию от старого Владимира
до нынешнего Игоря, иже скрепил ум волею
и изострил сердце мужеством, наполнился ратного духа
и навел храбрые полки на землю Половецкую
за землю Русскую.

... Того году воззрел Игорь на светлое солнцè и видит:
от него тьмою все его воины прикрыты.

И рече Игорь к дружине своей: «Братие и дружина!
Лучше же побиту быти, нежели полонёну быти.

А всядем, братие, на свои борзые кони
и да позрим синего Дону!»

Спала князю на ум охота, жажда ему знамèние застила –
искусити Дону великого!

«Хочу, бо, рек, копие преломить о конец поля половецкого,
с вами, русичи, хочу главу свою преложить,
а любо испити шеломом Дону!»

О Бояне, соловию старого времени!
Уж ты бы ущелкал те полки,
скача соловьем по мыслену древу, летая умом под облакы,
повивая славу полами сего времени,
рыща тропой Трояновой чрез поля на горы!
Пети бы ему, Велесову внуку, песнь Игореву:
«Не буря соколов занесла через поля широкие –
галичьи стада бежат к Дону великому. »
Или воспеть было тебе, вещий Бояне, Велесов внуче:
«Кони ржут за Сулою – звенит слава в Киеве,
трубы трубят в Новеграде – стоят стяги в Путивле.
Игорь ждет мила брата Всеволода.
И рече ему буй тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый – ты, Игорю,
оба мы Святославличи! Седлай, брате, своих борзых коней,
а мои тебе готовы, оседланы у Курска наперед.
А мои-то куряне сведомы бойцы: под трубами повиты,
под шеломами взлелеяны, с конца копья вскормлены.
Пути им ведомы, овраги им знаемы; луки у них натянуты,
колчаны отворены, сабли изострены.
Сами скачут, аки серые волци в поле,
ищуци себе чести, а князю славы!»

И вот вступил Игорь князь в злат стремя
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступает,
ночь, стонуци, ему грозою птиц убуди, свист зверин поднялся.
Забился Див, кличет в верху древа,
велит послушати земли незнаемой, Волге, и Поморию,
и Посулию, и Сурожу, и Корсуню,
и тебе, тмутараканский болван!

А половцы непроторенными тропами побегли к Дону великому.
Крекочут телеги полунощны будто лебеди вспугнуты:
«Игорь к Дону войско ведет!»
Уже беду его стерегут птицы по дубию,
волки грозу кличут по яругам,
орлы клетотом на кости зверье зовут,
лисицы лают на червлёные щиты.
О, Русская земля! Уже за шеломенем еси!

Долго ночь меркнет. Заря-свет запала, мгла поля покрыла,
соловьиный щелк уснул – говор галчий пробудился.
Русичи великие поля червлеными щитами перегородили,
ищуци себе чести, а князю славы.
Спозаранок в пятницу потоптали они
поганые полки половецкие и,
рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девок
половецких, а с ними и злато, и паволоки,
и драгоценные бархаты. Коврами и покрывалами,
и кожухами стали мосты мостить по болотам
и грязивым местам всяким узорочьем половецким.

Червлен стяг, белая хоругвь, червленый бунчук,
серебряное древко – храброму Святославличу!

Переложение текста моё – О.Щ.

Я настаиваю на том, что речь в первых строках «Слова» идет о совпадающем с Древом жизни Родовом древе, что видно из последующих строк: Боян начинал бы эту песнь от глубокой древности, как сказали бы сегодня «от царя Гороха», а певец нового времени – от близкого ему Владимира, не рыща по родовому древу.

Для читателя XII века идиоматическое выражение «растекаться по древу» означало – распространяться обо всех ветвях родового дерева от самого корня, доходя вплоть до его современных ветвей. При этом родовое древо совпадало с Древом жизни – Мировым древом – и охранялось священными животными, пришедшими из глубокого язычества. Это волк и орел. Волк — в среднем мире, на земле, орел — в мире верхнем, в небе. Отсюда «серым волком по земле, сизым орлом под облаками» старый певец «растекался» по родовому древу, т. е. описывал его будучи причастным к древу жизни как эти священные животные – певец также был священным!

*Мировое древо. Роспись крышки сундука. Северная Двина, XVII век
(Иллюстрация из Интернета)*

Волк в «Слове» неотделим от родового древа, от древа жизни, связанный с ее серединой – средоточием. Волк был священным животным, а скорее всего тотемом праславян в доисторические

времена. Волк – вещун; в «Слове» он возвещает по яругам (по оврагам) грозу – битву Игоря с половцами. Вещун также и орел, сзывающий клетотом зверье на будущий пир на костях после скорой битвы. Орел возглавляет древо жизни и рода; он потом о двух головах взвьется на герб России. Но это не значит, что орел готов принять все неразумное, исходящее от тех, кого он — нет, отнюдь не охраняет, но, я бы сказала, озирает, наблюдает за ними, бдит. (А вот лисицы — те лают на русские щиты, они русичам явно враждебны. Недаром лиса в русских сказках хитра, бессовестна, готова обмануть и предать – особенно ставшим впоследствии в фольклоре простодушным волка.)

Итак, волк – середина мирового древа – древа жизни.

Так в кого же и было обращаться колдунам как не в того, кто близок к мистическому средоточию жизни? В Волка – вот, вывожу я, причина превращения волкодлаков, как обращающихся вспять — в мир дочеловеческий, первобытный, тайный, волшебный.

Итак, с большим основанием стоит предположить, что Волк был некогда обожествляемым первопредком славян... наряду с Медведем?.. Вот волк в «Слове»:

*Всеслав-князь людям суд правил,
князьям города рядил,
а сам ночью волком рыскал:
из Киева до петухов дорыскивал до Тмуторокани,
великому Хорсу волком путь перерыскивал.
Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано
у святой Софии в колокола,
а он в Киеве звон тот слышал.*

(Дословный перевод Д.С. Лихачева)

*Кликнула, стукнула земля;
Зашумела трава:
Половецкие вежи подвигнулись.
Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
Белым гоголем на воду;
Взвергнулся князь на быстра коня,
Соскочил с него босым волком,*
И помчался он к лугу Донца;
Полетел он, как сокол под мглами,*

Избивая гусей-лебедей к завтраку, и обеду, и ужину.
Когда Игорь-князь соколом полетел,
Тогда Овлур волком потек за ним,
Сбивая с травы студеную росу:
Притомили они своих борзых коней!

(Перевод В.А. Жуковского)

* «Бдсым» – бусым, серым, (а не босым, как переводят иные).

Иван Билибин. Из иллюстраций к русским сказкам

Итак, вот откуда волкодлаки! Волки-то были – вещие. Но это в языческие времена – а «Слово» как раз отражает всю его благоуханную, образную, полную невыразимого таинства картину мира – но не то в последующие христианские времена. Пали языческие идолы, и с ними их приспешники – полные мистической силы животные. Волк из могучего зверя превратился в смешного простофилю, которого все время обманывает лиса. Она тоже потеряла свое языческое обаяние, но осталась злой – больше в бытовом, а не мистическом плане. О том свидетельствуют русские народные сказки.

Волк в сказках по-своему воплощает, я бы сказала, черту русского национального характера: простодушие, доверчивость. Это простофиля, Иванушка-дурачок русской сказки, только Иванушка оказывается победителем, а волк – чаще обманутым и побитым, тем, кто «битый небитого везёт».

Животные в фольклоре

В быличках, бытующих по деревням, фигурируют чаще всего домашние животные, т.к. это прежде всего крестьянский жанр. У рабочих в фольклоре иное; у горных рабочих Урала – змейка, олень — то, что отразил Павел Петрович Бажов в своих сказах по мотивам фольклора горняков. Змейка – родственница змеи.

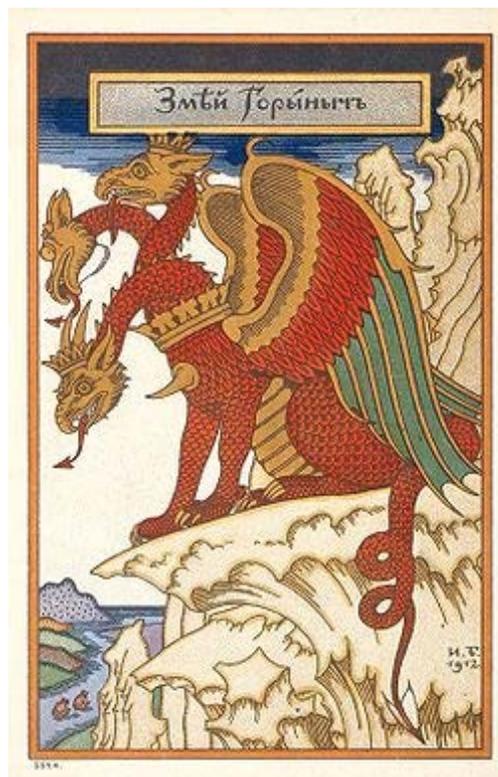
Мистический древний ужас перед Змеёй связан, я полагаю, во многом с ее формой лабиринта, где нет видимого фокуса, со спиралевидностью этой твари. Если фокусом считать змеиную голову, то он – живой и ядовитый, с раздвоенным жалом – тем более устрашающ. Змея — олицетворение лабиринта, известного многим культурам как сакральный объект.

Совсем не случайно именно Змей соблазнил Адама и Еву. Он претендовал быть Универсумом вместо Бога. Змея как живой свиток символически и воплощала Великое Единое, Уроборос. В христианстве же Змей – воплощенное зло.

Земий

Слово змея произошло от земля, в чем сходятся и все видные лингвисты. Змеи — существа земли, не только по земле ползающие, но и землей порожденные, как это, очевидно, представлялось

далеким предкам. Порождения земли, многочисленные, вредоносные, несущие смерть (гадюки), они должны были иметь своего прародителя, главу рода, божество — Змия. Змий — то есть земий, принадлежащий Земле, порождение Земли. Змеи — земьи, что затем путем редуцирования оформилось как змеи, а их старшой, их повелитель — Земий или Змий: прилагательное притяжательное по типу «леший» от «лес».

Лубок XVIII века.

В старославянском встречается также форма с другим суффиксом — Змок или Смок — от «земок» с тем же значением порождения «зема» — низа, поскольку *зем* — это древнее *низ*.

В славянском фольклоре он Змей Горыныч; ученые связывают такое как бы отчество с горами. Для меня же со времен детских сказок Горыныч воспринимался как огнедышащий — от слова «гореть»; очевидно, оба значения — гор и огня — слились. Горыныч — порождение гор и огня. Горы — священные выступы земли, ее сакральные элементы, горы с их пещерами — вместилищем всего темного и таинственного, выходом в «иномирье». В некоторых былинах и сказках Змий прямо живет в пещере, стережет вход в «иной мир», также как и мост (иногда это Калинов мост), соединяющий мир земной и мир иной.

Итак, слово «земля», единое в звуковом составе во всех славянских языках, близкое по звучанию и в языках индоевропейских (см. Фасмера и др.), произошло от корня «зем» – «низ». Но тогда змеи представляются как низовые, хтонические существа, и Змий – хтоническое божество, темная сущность, олицетворение зла. Так что у праславян было злое божество, противостоящее божеству верховного мира, богу небес, которого мог олицетворять Даждьбог, податель благ, (по мнению некоторых ученых бог солнца).

Как божество Змий наделен недюжинной силой, снабжен огненным дыханием и крыльями, хотя летает он не по поднебесью, а понад горами, поскольку он порождение земли. Его огнедышащая пасть, да не одна, а несколько (три, шесть, девять голов), являет огонь низа, геенны огненной – в отличие от огня небесного. Он в чешуе, как змеи, как рыбы, т. к. олицетворяет и водную стихию – также «низ» – в отличие от небесных пернатых. Ангелы – те потом будут пернатыми, а у Змия крылья – перепончатые, как у летучих мышей. Внешний облик Змия или Змея представлен в основном в лубочных картинках; он наделен когтями и длинным острым хвостом, что потом достанется черту.

Чешуйчатость Змия наводит на мысль о Левиафане – гигантском морском чудовище восточных верований; речь, по-видимому, может идти о единстве древних общечеловеческих архетипов, (хотя Левиафан сугубо морское чудовище). Уместно рассматривать в связи со славянским Змием восточных Змеев, в рудиментарных обычаях сохраняющих свое значение по сей день, например, в Китае с их летающими змеями.

Волшебная невеста и мистический брак

Психологи-классики XX века трактовали притяжение к человеку противоположного пола как стремление к воссоединению души: мужчиной поиски *анимы* — женственной половины своей души, женщиной *анимуса* – мужской её части. Так создается единство души, которая по сути своей андрогинна. Поиски партнера для восполнения духовного потенциала психологи трактовали как *мистический брак*. Воссоединение противоположностей, по Юнгу, – сознательной доминанты души с ее «тенью» – и создает искомое целое, единство бессмертной души.

Анализируя таинства мистических соединений, европейские ученые использовали опыты алхимии (Юнг), средневековых

трактатов и поэм, эпоса и т. п. Русского материала они, насколько можно судить, в своих исследованиях не касались. Между тем русский фольклор дает богатый и яркий материал, словно бы специально иллюстрирующий основные положения психологов и мифологов.

Народная легенда, быличка, сказка — благодатная территория для изучения бессознательного и сверхъестественного в нашей культуре. Поиски мистической невесты, оставаясь вне рамок высокой литературы, являют здесь неохватное поле для исследователей. Василиса Премудрая, Елена Прекрасная, Царь-девица, Царевна-лягушка, многочисленные варианты заколдованных невест связаны с поисками сказочным героем своей суженой, что с точки зрения нашей темы можно трактовать как поиски собственной души. Кстати и зовется любимая девица и жена у русских — душа моя, душенька...

Волшебная невеста народной сказки наделена чудесными свойствами; она лишь наполовину принадлежит миру человека, другой же своей стороной обращена в иномирное, что с точки зрения психологии уместно трактовать как бессознательное. Днем волшебная невеста живет в образе прекрасной девушки, ночью же возвращается в мир хтонического, темного, природного, докультурного, превращаясь в животное (лягушку, утицу). Это связано с древнейшими представлениями о тотеме, предке, то есть с точки зрения психолога — с до- и сверх-сознательными элементами психики.

... Наиболее известна сказка «Царевна-лягушка» — классика нашего фольклора из золотого фонда мировой литературы. Невесту-лягушку предлагаю считать вариантом невесты-змеи, а змея в мировом фольклоре, как известно, с библейских — или, скорее, добиблейских, более древних еще — времен играет центральную роль в пантеоне волшебных существ. Логично предположить, что издревле славяне знали невесту-змею не в позднейшем сугубо зловещем варианте, а как мудрое хтоническое существо, с помощью своего жениха вызванное к жизни человеческой. Действительно, такую сказку я нашла в сборнике А.Н. Афанасьева — «Царевна-змея». Эта малоизвестная сказка необычайно красноречива, она точно и кратко являет ведущие архетипы до-христианского и даже еще до-исторического коллективного бессознательного. Обратимся к тексту.

... В горящем стогу сена — а как раз именно огненная стихия

символизирует иномирье – является прекрасная дева, которая просит героя ее спасти. “«Как же тебя избавить? Кругом пламя, нет к тебе подступу,» – отвечает казак. «Сунь в огонь свою пику; я по ней выберусь». Казак сунул пику в огонь, а сам от великого жару назад отвернулся. Тотчас красная девица оборотилась змеею, влезла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокруг шеи три раза и взяла свой хвост в зубы. Казак испугался, не придумает, что ему делать и как ему быть. Провещала змея человеческим голосом: «Не бойся, добрый молодец! Носи меня на шее семь лет да разыскивай оловянное царство, а приедешь в то царство — останься и проживи там еще семь лет безвыходно. Сослужишь эту службу, счастлив будешь!»” (Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Москва, издат.-во «Правда», 1982, с. 388). Змея взяла свой хвост в зубы. Помимо того что она образовала кольцо – символ обручения, (да еще и тройное кольцо – обручение не простое, а волшебное), змея еще воспроизвела позу уробороса – центрального образа мировой мифологии. Уроборос, по Юнгу, – мифическое существо, часто именно змея, иногда также и феникс, которые символизируют великое Единое, само себя питающее. В силу того что Уроборос по сути — универсум, ему возможно подпитываться только из себя самого. Змея, закусившая свой хвост, как и Феникс, воткнувший себе в грудь свой окровавленный клюв, – воплощение идеи круговорота. Из него ничего не может выйти, поскольку вмещает все сущее и не-сущее, оба мира — этот и «тот». Таким образом, сознательное и бессознательное являются двумя частями нераздельной общности. Юнг пишет: «Этот процесс самоедства в то же самое время является символом бессмертия, поскольку об уроборосе говорят, что он сам себя убивает и сам себе дает жизнь. /.../ Он символизирует Единого». (К.Г. Юнг. «Мистерия соединений» РЕФЛ-БУК, 1997, с. 373).

Предлагаю, кстати, найденную мною вполне эвристическую тему исследователям: психология древних народов-самоедов, поедавших сакральную плоть умерших предков-божеств, как выражение идеи бессмертия и самовоскрешения.

...Размышляя над образом уробороса, я, признаться, не предполагала, что он в таком чистом виде представлен в русском фольклоре. «Царевна-змея» дает совершенный образ уробороса в женском варианте. Итак, вернемся к сказке, где царевна-змея наказала герою добиваться соединения с нею в течение семи лет.

Эта мифологическая цифра! Вспомним хотя бы, что столько служил за праматерь Рахиль праотец Иаков...

Так казак и поступил – прожил 7 лет в Оловянном царстве, обрел волшебные предметы и женился на прекрасной королевне. А она-то ведь уж до чего непроста, представляя оба мира: реальный, земной – и волшебный, иной, близкий, судя по ее позе-символу к универсуму. В этой сказке чудесная невеста-змея – порождение волшебного царства, дочь обладателя волшебных предметов (чудесного бочонка), а также несметных богатств – золота и жемчуга, что является отголоском владения подземным царством, (возможно, контаминация со сказками этого цикла). Итак, королевна — и человек, и змея, которая стремится вочеловечиться с помощью героя. В психологическом плане жених соответствует анимусу, мужской составной части человеческой души и, следовательно, части личности, отвечающей за разум, логос, слово и т. п. Тот же процесс видим в «Царевне-лягушке» и других сказках о заколдованной невесте, где она предстает в образе медведицы, зверя арысь-поле, белой уточки, березы и так далее, и где ее расколдовывает жених. Это значит, что победу одерживает сознательное, логическое, культурное, собственно человеческое, над темным, хтоническим, алогичным. А на помощь приходит половой партнер – жених или невеста, дополняя недостающую для успешного воплощения часть души – анимус или аниму.

В «Царевне-змее», заметим, **сам** герой поджег стог сена, где обрел волшебную невесту, вернее, «заронил искру», и тем запустил механизм, вызвал цепную реакцию превращений. Он отнюдь не пассивное существо, он именно герой – средоточие светлых, специфически человеческих сил разума. А вот Кощей Бессмертный, превративший девушку в змею, олицетворяет темные силы, стихию, или, говоря терминами Юнга, коллективное бессознательное, стихию. Причем стихия эта с двойственным знаком: она и универсум (у девушки-змеи поза уробороса, пожирающего свой хвост) – и в то же время низменная, звериная, недовочеловечившаяся. Из этой стихии ее вырвал с помощью чисто человеческих качеств – мужества и ясного разума – жених, олицетворяющий Анимус, Логос, Культуру, Человечность.

Лишь одержав верх над бессознательным, иррациональным – с помощью воли, рации, мужества – и сам герой станет полноценным человеком, обретя свою аниму в лице волшебной невесты. И ведь совсем не случайно полноценным человеком у древних сла-

вян считался именно *женатый* мужчина – это мое замечание требует отдельной статьи.

Отметим, что и сам герой, спасая волшебную невесту, «заражается» от нее – своей анимы – прежде неведомыми ему свойствами. Так, в сказке «Чудесная способность» он освобождает из-под камня змею, а та наделяет его способностью понимать язык зверей и птиц (с условием никому не рассказывать об этом). Таким образом, змея выступает как посредница между миром людей, где действует герой сказки, и миром иным, в данном случае подземным, часть свойств которого она передает герою в виде чудесного дара. И нам очевидно, что благодаря волшебной невесте жених обретает ту самую недостающую мужчине женственную часть души, более связанную со стихийным, подсознательным началом. То есть обретает необходимую для полноты часть собственной души. Мифологическая основа образа змеи-девушки, дочери владыки подземного царства проступает и в «Сказке про перстень о двенадцати винтах» из того же сборника Афанасьева.

Особо стоит подчеркнуть, что герой не уничтожает хтонического, бессознательного, но лишь ставит его на свое место – место тени. Герой не рушит заколдованный замок или заповедный лес, принимая их как части единого мироздания. Никогда герой не убивает, не причиняет зла бабе Яге. Очень редко в какой сказке убивает Кощея Бессмертного, (да и то, скорее, в позднейших обработках) – смерть того недаром в яйце, читай, мировом яйце. Отсекая головы Змею Горынычу, герой неизменно побеждает его, освобождая невольницу – часто именно свою невесту, – но редко когда в оригинальной, (а не литературно обработанной сказке)*, он при этом убивает Змея. И что там со Змеем дальше произошло, не уточняется – возможно, он как-то по-новому будет существовать в своем иномирье, либо его головы потом, уже вне контакта с героем, опять отрастут... А вот когда герой покушается на уничтожение хотя бы деталей иномирья, покушаясь на его целостность, или нарушает его распорядок: бросает в огонь кожу лягушки или перья уточки – происходит беда: невеста исчезает и надо ее искать за тридевять земель. У иномирья свои порядки, в которые не следует вторгаться. Иномирье – неизбежность и непреложность. Да и как может быть иначе? Уроборос! Змея ест свой хвост – круг замкнут.

Уроборос в народной русской сказке представлен порой могучей птицей, которая унося героев от опасности питается собственным

телом, вырывая из него куски и поедая. Таким образом птица символизирует великое единое, которое может лишь из себя самого черпать силы. Замкнутая система! Прозорливость народного гения...

Волшебная птица может быть птицей Гаруда, т. е. рудой, красноперой птицей — огненной, волшебной природы. Она символ горящего Духа, возносящего к Свету...

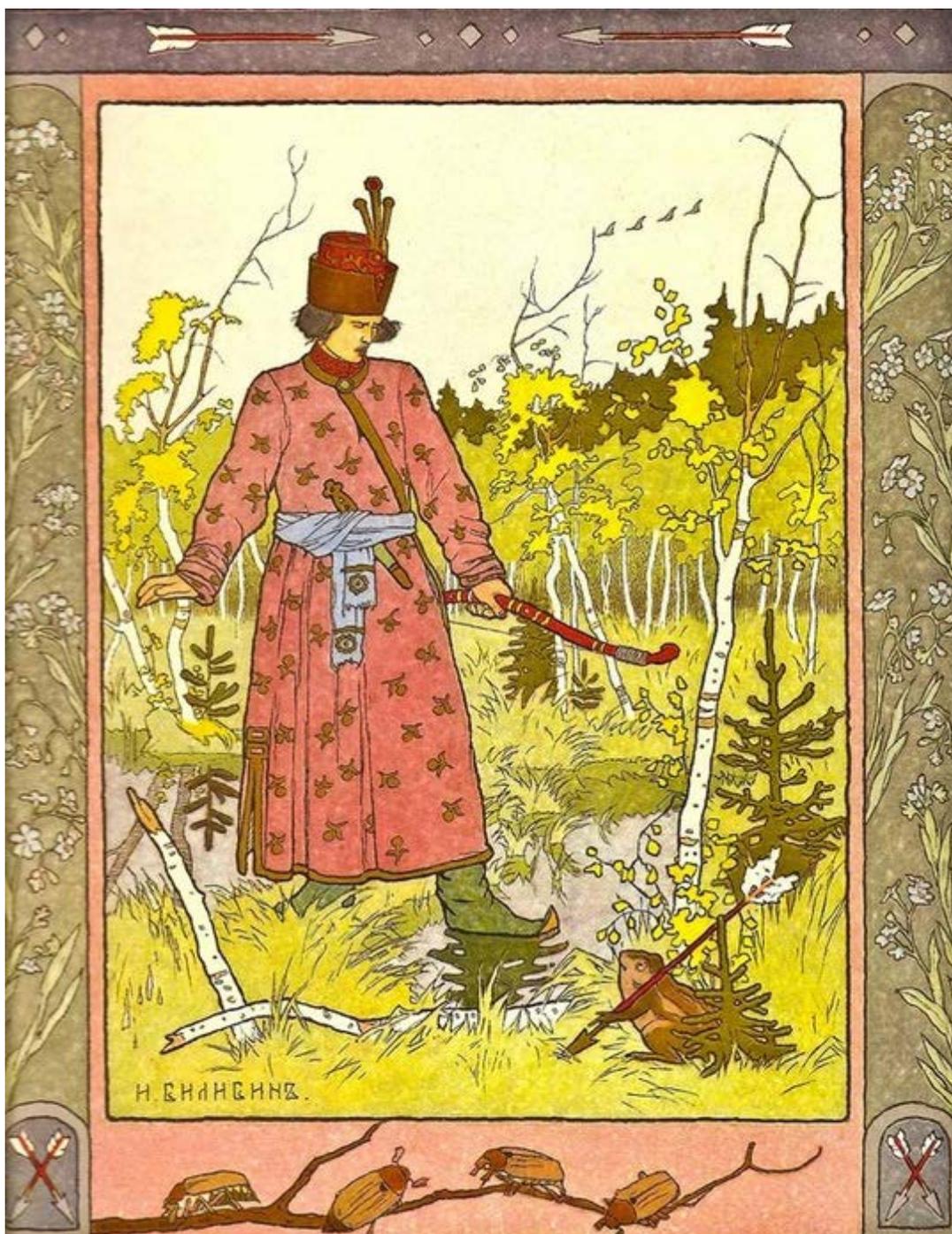
В легенде – или быличке – «Сивая кобылица», открывающей эту книгу, человек привёз «откуда-то издалека» красавицу-жену, связанную с колдовством, умеющую превращаться в сивую кобылицу. Характерно, что человек после убийства волшебной жены проклял деревню и уехал из неё. Можно трактовать это как утрату собственной анимы, той женственной, хтонической части собственной души, с которой человек не захотел смириться.

Соотносится ли все замеченное мною выше с классическим трудом Проппа «Исторические корни волшебной сказки»? Думаю, вполне. Ученый трактует сказку как отголосок древних инициаций – посвящения героя в члены родоплеменной группы. А в чем суть этих посвящений? Я бы сказала, – в поисках собственной души, выковывании духа, созидании специфически человеческого Я из окружающей древнего человека стихии до-сознательного, до-культурного, столь властительного в доисторические времена. Выдающиеся психологи XX века подчеркивали, как трудно создалась на заре человечества сознательная личность, сознание в собственном смысле слова, индивидуальное эго, полноценная душа.

Народная сказка, быличка по-своему отражает процесс развитие внутреннего мира и становление Человека.

*Интересно, что если в **обработанном** Афанасьевым варианте сказки «Царевна-змея» герой (казак) убивает волшебного старика, отняв у него меч, то в первоначальном, **народном** варианте — ничего об убийстве не говорится! Казак забрал волшебный меч-саморуб у старика и отбыл восвояси.

Иван Билибин. Иллюстрация к сказке «Царевна лягушка»

«Влезь в одно ушко, а в другое вылезь»...

Единение со священным предком

В прелестной сказке «Крошечка-Хаврошечка» сирота жалуется рябой (именно рябой – тут свой смысл) коровушке: “«Коровушка-матушка, меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К

завтрему дали пять пудов напярсть, наткать, набелить, в трубы покать». А Коровушка ей в ответ: «Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – все будет сработано». Так и сбылось.” (Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Ленинград. Гослитиздат. 1957 т. 1, с. 150). В сказке того же сборника «Кобыляча голова» кобыля голова говорит девушке: «Дівчино, дівчино! Улізь же мені у праве ухо, а у лівє вилізь». Она как вылезла из ушей – стала так хороша, что нет краше. Сюжет повторяется в других сказках, возможны и варианты. Так, в сказке «Буренушка» из того же сборника Афанасьева героиня прикладывается к ноге коровушки.

Таинственные эти действия непонятны до тех пор, пока не обратишься к изучению первобытной магии. Известны обряды очистительной магии у разных племен и народов, связанные с прохождением через отверстие в теле животного. Многочисленные примеры находим в труде Фрэзера «Фольклор в Ветхом завете» (Москва. Политиздат, 1989 г.) На с. 196 читаем: «подобный обряд соблюдался при очищении македонской армии. Разрезали собаку пополам: голова и передняя половина тела клалась направо, а задняя сторона и внутренности – налево, и вооруженные войска проходили между обеими половинами.» У африканских народностей также «убивают животное и прокалывают его насквозь, а затем через образовавшееся в трупe отверстие пропускают подвергающегося очищению человека.» У другого племени «протаскиваются через дыру, сделанную в брюхе убитого вола». Приводя большое число аналогичных примеров из разных частей света, ученый заключает: «все такие обряды могут быть названы очистительными в широком смысле этого слова, так как они очищают или освобождают страждущего от зловредных влияний». Выскажем, однако, предположение, что эти обряды единения с телом животного-тотема не столько очищают и даже не столько охраняют (об охранительной функции ученый почему-то в этом случае не пишет), сколько **приобщают члена племени к единому телу племени через плотское единение с общим священным предком.**

Отметим, что в русской сказке животное, обладающее волшебной силой и помогающее герою, не умерщвляется – напротив, оно, так сказать, живет живого. Очевидно, сказка о волшебном помощнике – домашнем животном создавалась значительно позднее первобытного ритуального умерщвления диких животных. Сказки полны

любви и сочувствия к домашним животным, которые воспринимаются как друзья крестьян, работники и кормильцы. Наоборот, это злая мачеха требует зарезать коровушку или коня. Первобытный обычай при изменении этических норм и религиозных установлений, таким образом, в корне переосмысливается. Здесь может идти речь, по нашему мнению, не столько об очищении, сколько о приобщении к волшебной неисчерпаемой силе предка-тотема.

Превращение в волков, таким образом, также может иметь значение, ныне позабытое, как единение с тотемом, священным предком – волком. Еще в «Слове о полку Игореве» герои умеют превращаться в доблестных волков.

... При разборе и осмыслении мифических контактов с животными – домашними и дикими – вспоминается знаменательный библейский сюжет Ионы в чреве кита. Там Кит – олицетворение враждебной человеку стихии, бездны, того, что у славян приняло облик «чудища обло и стозевно»...

Пребывание Ионы во чреве морского животного коррелирует с первобытным обычаем очищения и при этом, заметим, еще и своеобразной инициации персонажа. Но в Библии этот контакт воспринимается как величайшее бедствие, что указывает на коренное переосмысление уже к тому времени контакта с дикими животными. Животное-тотем как помощник уходит в прошлое. Древний обычай плотского единения с животным воспринимается в более развитом обществе как бедственное отторжение от человеческого социума, от человеческой сущности, от культуры (в широком понимании этого слова). Остается в таком невольном контакте с животным только функция инициации, а с обретением еднობожия – функция испытания веры. Отторжение от человеческого в противовес животному воспринимается теперь драматически, и не может быть ничего горше и страшнее как быть изгнанным из среды человеческого – на волю стихии и чуждого человеку дикого животного мира. Эра мудрых животных ушла безвозвратно... (Здесь еще можно было бы рассматривать запрет на сексуальные контакты с животными – скотоложство – как не просто противостественные, но отягощенные запретом на любые контакты с прежними языческими богами в виде животных-тотемов. Во всяком случае, в доисторические времена фамильярный контакт с тотемом был под запретом. Всё связанное с детородными органами табуировалось. Хам был проклят Ноем за то, что кощунственно подсмотрел гениталии своего отца.)

Огонь и волосы

...Вынул купеческий сын кремень и кресало, ударил раз — и тотчас выскочило два молодца: «Что угодно? Чего надобно?» — читаем в сказке «Золотая гора», записанной Александром Николаевичем Афанасьевым. Высечение искры из кресала-огнива вызывает в сказке явление волшебников иномирья. Обретение огня было первым шагом далекого предка на пути к человеку. Огонь не только очеловечивает мир, но и, сжигая, уносит все сущее в мир иной. А отсюда посредством определенных обрядовых действий — верили предки — может, наоборот, возвращать людей и предметы в мир земной. На заре человечества воспринимался огонь как явление сверхъестественное, да ведь и по сю пору завораживает таинственной силой и всевластием.

Естественно, чары огня перешли и на предметы его вызывающие: кремень и огниво — первобытные инструменты добычи огня путем трения, сохранившие свое обаяние в волшебных сказках.

Разобраться с волшебными предметами не так просто, как может показаться. Многие из них на первый взгляд просты. Ну чем могут заморозить, скажем, полотенце, гребень, рубашка, топор в рационалистический век? Но еще в XIX веке наши деды окружающий мир и все предметы наделяли душой. Вот гребешок и «утиральник» — полотенце. В сказке «Царь-медведь», записанной Афанасьевым, волшебный помощник Ивана бычок дает герою волшебные предметы с напутствием: «Коли станет нагонять царь-медведь близко, в первый раз брось гребешок, а в другой махни утиральником». И вот стал медведь нагонять Ивана-царевича с Марьей-царевной: «Иван-царевич оглянулся и махнул позадь себя утиральником — и вдруг сделалось озеро, такое широкое-широкое». Огненное озеро. Опять огненная стихия. Что сочетается с символом полотенца (утиральника).

Исстари полотенце у славян — нагруженный смыслами символ. Не случайна хлеб-соль на полотенце, полотенце возле икон, расшитое древними красочными орнаментами. Магия полотенца сохранилась в свадебных обрядах вплоть до начала нашего столетия. В уральском свадебном обряде нынешние старики, бывало, обвязывались по поясу полотенцем и веревкой, что символизировало соединение, повязывание пары в новой супружеской жизни. В той же избранной для примера сказке

И.Билибин. Жар-птица

«Царь-медведь» полотенце во втором превращении перекинулось через огненное озеро — мостом. Так что явно значение полотенца как соединительного элемента, соединительной нити. На веревке спускают героев сказок и сказов в подземелья, ямы, пещеры, колодцы — вход «на тот свет», в «иномирье». Близок по смыслу клубок ниток, что разматывается, скажем, в дремучем лесу, выводя на свет Божий. Символ идет еще от нити Ариадны в мифах Древней Греции. В уральском варианте «дыра в иномирье» —

вход внутрь горы в сказах Бажова.

Гребешок и полотенце в русской народной сказке идут парой. Гребни — древнейший предмет быта многих культур — объект мифов, сказок, обрядов. Валерий Яковлевич Пропп в классическом труде «Исторические корни волшебной сказки» указывает на ассоциацию гребня с лесом. В русской сказке кинь гребень — станет лес. Лес же, дремучая, непроходимая чащоба символизировала в первобытных культурах трудности обрядов инициации и представляла «иномирье».

...Вспомним русалок с их прекрасными распущенными волосами; они обитали в мире, чуждом земному. И, напротив, земное, мирское — тщательно прибранные волосы, роскошные, часто символические прически дам, убранные под платок волосы русских женщин простонародья. Парики еврейских женщин. Головные уборы мужчин практически во всех культурах... и так далее, и тому подобное. Всюду волосы тесно связаны с ритуалом. (Кажется, впервые в истории сегодня женщины и девушки ходят с демонстративно распущенными волосами, демонстрируя «отвязность» от традиции, как бы волю...)

Откуда идет магия волос? Дело, видимо, в их растительной силе, не зависящей от их носителя, что отражено поговоркой: ни один волос не упадет с головы человека без воли Господа.

В быличке «Сивая кобылица», открывающей эту книгу, рассказчица настойчиво подчеркивала густую гриву кобылицы — «так и плещется на ветру!» — и соответственно густые длинные волосы женщины-оборотня. Это потому, что волосы связаны с волшебством, с дикой неуправляемой стихией, вольницей. С волшебством.

Волосы обожествлялись в древности, особенно золотые (рыжие), вот почему царевна — Золотовласка. Золотая — огненная масть наделялась магической силой. Отсюда образы: Золотое руно; Жар-птица; Свинка-золотая щетинка; золотой конь и т. п. Золотое, огненное — иномирное, «не наше», подлежащее остракизму. И оно же — волшебное, поскольку чужеродное и к тому же связано с огнем. Огневушка-поскакушка Бажова; саламандра европейской мифологии. Наша Жар-птица, Птица Феникс, возрождающаяся в огне, где-то на глубине общечеловеческого архетипа связанная с горящим и несгорающим кустом Неопалимой купины...

Огненные искры из трубы, огненные люди в сохранившихся до сего дня быличках — оттуда же...

Иван Билибин. Кощей Бессмертный

Кощей Бессмертный

В мезалитической культуре существовал культ черепов и костей; повсюду археологи находят их в большом количестве возрастом 8 тысяч лет и более. Мирча Элиаде предполагает с большим основанием, что некое верховное существо, по воззрениям древних, из костных останков должно было возродить умерших к новой жизни, нарастив новую плоть.

Но тогда, вывожу отсюда, наш Кощей Бессмертный, неразрывно связанный с мировым яйцом, есть вариант возрождающего кости божества. Божество это хтоническое: захоронение и возрождение к новой жизни происходит в глубине земли.

Почему в русских сказках Кощей – или Кош — похищает девушку? Предполагаю, этому божеству некогда приносили в жертву красивых девушек, ведь чтобы обеспечить возрождающие функции идола, ему необходима «жена». (Аналогия: покойницам в эпоху неолита и позже клали в могилу символического «мужа», чтобы те не забирали к себе живых парней).

Понятно, что со времени вытеснения язычества Кощей превратился в нечисть. Но до чего характерно, что его бессмертие хранится в шкатулке на дне моря, совсем как бессмертие Гильгамеша, чье растение бессмертия (им упущенное) также было поднято со

дна моря — со дна Первовод, Матери всего сущего.

Иван Билибин. Алёнушка выходит из избушки бабы Яги

Сакральность черепа

По каналу «Моя планета» показали документальный фильм о затерянном где-то в джунглях Намибии маленьком негритянском племени. Автор заснял инициацию: у мальчиков удаляют — выбивают — четыре нижних зуба. Автор фильма Сергей Ястржембский говорил о воспитании мужества в этом ритуале. Я же обратила внимание на то, что четыре выбитых зуба заворачивают в платок и отдают бывшему владельцу, а он относит это на место, где родил-

ся. Как бы с почтением возвращает детали, которые очевидно сакральны: когда-то эти зубы вновь оденутся плотью, либо из этого материала должна родиться новая жизнь – ничто в мире не исчезает! На могилах предков люди этого племени выставляют черепа коров — дарят предкам животных, которые оденутся плотью и сгодятся им в мире ином.

Череп сакрален. Змея, выползающая из черепа в «Вещем Олеге»... По ТВ на концерте певец из Южной Кореи, я заметила, оказался с ... вычерненными зубами. Трогательна эта древняя восточная традиция, предписывающая не показывать зубы как части черепа — не просто глубоко интимного, но безусловно сакрального фетиша.

Из личных историй...

*Есть многое такое, друг Гораций,
что и не снилось нашим мудрецам...*

У. Шекспир

Призраки

Сегодня рыбка моя – аквариумный сомик – всплыла верх брюшком. Она жила 12 лет – максимум при хозяйской заботе (бегала ей за червяками даже с температурой). Пришлось выбросить безответную тушку. Аквариум опустел. Сажу за столом, пью чай и машинально-привычно сморю в аквариум. И – вижу рыбку. Скорее, не то чтобы явно вижу, но вот она – всегдашняя водоросль, вот раковина, вот искусственный зеленый кустик, где она пряталась, и тень рыбки зримо витает за стеклом. То ли тень, то ли сама рыбка...

Сейчас я впервые убедилась воочью, как рождаются призраки. Думаю, деревенские жены, потерявшие мужей, правда видели их, те «приходили» к ним по ночам.

... Если ушедшие выступают из тени, то, наоборот, прячутся в тень те, кто готовится из мира уйти. На вечере, где мы сидели полукругом, напротив меня зыбилось лицо старой дамы (далеко за 80); ее лицо бледным пятном как бы уже растворялось в про-

странстве, бледное, блеклое, почти прозрачное, как бы отдаляющееся уже от сидящих рядом с полнокровными лицами. Она уже – нездешняя...

... Верю, что Анна Андреевна в «Поэме без героя» действительно *видела* любимые тени...

Потустороннее

О предчувствиях.... Однажды я в тревоге позвонила любимой в те поры подруге в библиотеку, где она работала: – Что случилось с Майей? — спрашиваю подошедшую к телефону сотрудницу.

Ничего, отвечает, домой собираемся, конец работе.

— Нет, ты что-то от меня скрываешь! Я чувствую неладное. Говори правду!

— Да правда все в порядке.

Оказалось на другой день: через минуту после этого моего звонка дамы вышли на обледенелое крыльцо, подруга моя поскользнулась, упала и получила серьезную травму. О моем звонке ей не сказали. Так что «настроить» ее на несчастье мой звонок не мог. А это было предчувствие. И таких случаев в моей жизни мне памятно слишком много, чтобы все их перечислять...

Довелось мне этим летом записать по уральским деревням немало быличек про общение с покойниками. Но вот хочу рассказать несколько случаев из собственной жизни.

... Как обычно я работала сидя за нашим фамильным дубовым столом. День был не из лучших — нищета, голодуха при моем запрете на профессию; я, правда, довольно много делаю передач на радио и ТВ, но как штатный сотрудник, которому положены крохи от гонорара (львиная доля достается «редактору», хоть он ни сном ни духом не причастен к моему труду). Но это, как говорится, совсем другая история.

Итак, сижу, пишу – и вдруг совершенно ясно слышу в дубовую столешницу с изнанки три громких отчетливых стука. Этак размеренно, внятно и четко: тук – тук – тук. Стол без скатерти, все под ним видно. Заглянула — никого и ничего. Пусто под столом. И снова ночная тишина. Лето, соседи на дачах, в боковых квартирах и сверху — пусто. В подвале — у меня первый этаж — также никого, подвал на замке. Да и стук явно с испода стола, толчки как бы костяшками пальцев снизу столешницы. Посмотрела на часы: 12 ночи!

Трудно поверить, но так повторялось три ночи кряду! Страшно не было. Мне срочно нужны были деньги, и ломала я голову: где и как раздобыть? И вот утром выхожу на лестничную площадку, а в почтовом ящике белеется. Оказалось, денежный перевод. Откуда? Ничего ниоткуда не жду и не предвидится. А это журнал «Урал», продержав два года мой очерк «Сидоровы, из крестьян», (и даже, обругав, велели забрать обратно, да я побрезговала туда идти), вдруг взял да и опубликовал очерк и прислал гонорар. Материал этот — о муже моей любимой бабушки Домны Ефимовны, об Александре Никифоровиче Сидорове, замечательном человеке, репрессированном и, как водится, реабилитированном посмертно. Так вот мои родители и слали весточку: не ломай голову, деньги на подходе... перевод уже в ящике... Может, попросту мой старинный дубовый стол (бабушкин!) рассыхается? Однако же с тех пор стол — ни гу-гу! Ни разу никаких звуков больше не издавал.

Другой случай. Когда в 1978 году я прилетела домой в Свердловск из Ленинграда, то сойдя с трапа самолета мысленно, но четко сказала фразу: «Мама больна и она умрет», хотя при моем отъезде пару недель назад ничто болезнь моей матери не предвещало. Так и случилось. Мать оказалась в параличе и через месяц умерла.

Об общении с покойными родителями можно рассказывать много. Как-то посещая на кладбище свою вещь бабушку, я мысленно попросила ее дать знак: что ждет меня в отношениях с любимым человеком? Я в ту пору жила этим, дышала этим... И что увидела придя на могилу? Кто-то на могилке выложил две крепкие голые ветки в виде креста... Нести мне крест...

Еще более поразительным оказалось то, во что я бы, не случись это со мной, не поверила никому и ни за что. Так же вопрошая пришла на бабушкину могилу и, к удивлению, увидела на ней бумажку — лоскуток обертки от печенья и почему-то и зачем-то на ней карандашом было записано шестизначное число. Бумажку эту сохранила. И что же? Через несколько дней пришло письмо из Ленинграда, официальное, с печатями и за номером... да, тем самым шестизначным! Даже в том же порядке были все шесть цифр! А в письме сообщалось, что моя дочь возвращается домой по решению педсовета из ДХШ (Художественной школы) — так будет лучше для ее нравственного развития...

Или вот еще случай с тетей Улей, жившей с нами долгие годы

после войны — она поселилась у нас в процессе эвакуации из Белоруссии в 41 году, бабушка уступила ей свою кровать, сама стала спать на полу. Раз во сне я увидела тетя Улю, не выдавши ее наяву уже ряд лет и ничего о ней не зная; увидела ее за столом с моими покойными родителями: в том сне они вместе ели-пили. На другой день пошла на кладбище и... рядом с могилой бабушки увидела свежую могилу новопреставленной Ульяны Спиридоновны Силаевой.

Случаев удивительных, на могиле происходящих, много. Но так как все они происходят без свидетелей, то и поверить посторонним в них трудно. Но вот что видели многие: в церкви во время отпевания бабушка моя Домна Ефимовна, свято веровавшая и тосковавшая о недоступной в брежневские времена церкви, тут, во время отпевания, явственно как бы улыбалась в гробу. Так же улыбался уже в новые времена мой покойный друг Валерий, когда я возле его гроба, сидя рядом с его матерью, говорила о почившем добрые слова. А она мне отвечала: — Так они ведь все слышат...

Смерть и жизнь не просто рядом, а одно пронизывает другое, границы условны. И если телесное существование невероятно хрупко — жизнь духа бессмертна. Стоит учиться читать знаки Жизни, которая есть изнанка вечной и всемогущей Смерти.

Ещё Раз

Гипотеза о праславянском божестве

... Речь ни много ни мало о пересмотре представлений об установлении единобожия в цивилизованном мире. Оказывается, существует неофициальное направление продвинутых гуманитариев-энциклопедистов, уверенных в существовании древнего общеславянского божества по имени РАЗ. Религия РАЗа скрыта во тьме веков; она предшествовала единобожию иудаизма, христианства и мусульманства. Свои убеждения в существовании славянского прамонотеизма разовцы (как удачно назвал их Эпштейн) доказывают посредством анализа языка. Именно язык в своей структуре сохраняет драгоценные свидетельства древних верований и образа мыслей предков, в то время как давно утрачены все материальные носители прошлых культур. «Замечательная особенность русского языка в наличии самого слова «раз», которое не нуждается ни в каких дополнительных элементах, абсолютно самобытное, самородное в своем корневом значении. /.../ Раз — внутреннее всех вещей, их изначальный прообраз, образующая воля, вечный образец. Чтобы постичь волю Раза — вслушайтесь в язык.» (Сергей Дружинин, Евгений Гиреевский. «Разовые уставы»). Эту цитату приводит Михаил Эпштейн в статье «Раз» – опыты реконструкции славянского божества – в журнале «Звезда» № 7 - 2016.

Итак, единобожие еще до бога Саваофа, до Библии... Что же, ведь и в самом деле в дошедших до нас мифах, скажем, аборигенов Австралии всегда говорится о каком-то одном сверхъестественном существе, создавшем данное племя да и мир в целом. У славянских предков тоже был такой единый создатель, Творец. И вот адепты новой теории или, если угодно, религии – разовцы – приводят веские доводы в пользу своего открытия. Что замечательно: РАЗ — он и по-польски раз. И по-чешски... и по-болгарски... и так далее: это слово общеславянское. И везде оно обозначает «один» – начало счета, начало всего, начало начал, основа единобожия.

Далеко не все в рассуждениях адептов единого бога славян выглядит одинаково убедительно. Зато будит мысль и оставляет убеждение, что разовцы действительно нащупали что-то очень важное и существенное, что никак невозможно просто так взять и отринуть. Вот и бесполезно, наверное, поделиться скромными

соображениями на счет нового-старого бога РАЗа. Ниже привожу свои наблюдения на основе лежащих, кажется, буквально на поверхности доводов в пользу существования утраченного, но сохраненного языком праславянского бога РАЗа...

Весьма красноречивым выглядит сразу приходящее на ум слово *несуразный*. Можно предположить, что некогда бытовало слово «суразный», а затем уж от него образовалось, как это часто бывает в языке, понятие отрицательное – *несуразный*, а это значит – не сообразный с РАЗом, не отвечающий требованиям бога (частица «су» несет значение сопряженности).

Сюда же можно отнести и слово *горазд*, *гораздый* – разумный, годный, соответствующий требованиям РАЗа, сообразный с РАЗом. 1/

Еще задумаемся над словом *разве*. Выскажем предположение: вопросительное *разве?* можно представить как «бог весь» т. е. «бог знает». Например, фразу «Разве ты пойдешь в лес?» можно представить как «РАЗ ведает, пойдешь ли ты в лес». То есть вопросительное *разве* разлагается на «*Раз весь — бог его знает*»...

Заманчиво в контексте наших рассуждений рассмотреть слово гроза, близкое к *грозить* и далее *разить*. Про слово *разить* много сказано в журнальном тексте эссе «РАЗ»: это слово-понятие – духовный центр, средоточие сути грозного и воинственного бога РАЗа. Гроза (с чередованием корня раз-роз) – это, как можно осторожно предположить, – явление людям могучего разящего бога Раза, чье место на небе в огненной колеснице в христианстве позже займет Илья Пророк с его громом и молнией. Слово *гроза* – общеславянское. Оно одинаково звучит и пишется по-украински, по-болгарски, по-сербо-хорватски, по-чешски, по-польски; близко по звучанию по-литовски и по-латышски. 2/ Это говорит о древности и живучести слова ввиду большой важности в быту и в духовных установлениях обозначаемого понятия. Слово «божественное» и, возможно, через череду близких корней связанное с РАЗом. Впрочем, уважаемые лингвисты не определились насчет этимологии слова «гроза», которая остается неясной.

Относительно приставки раз-рас, обозначающей в нашем языке, как правило, распространение в пространстве или во времени, рассеяние, разрастание... Связь этой языковой конструкции с богом РАЗом, на чем настаивают адепты новой веры, представляется убедительной. А вот относительно слова *разный*

возникают сомнения. Сергей Дружинин пишет: «Раз» /.../ сохраняется как *корневая* морфема, несущая основное лексическое значение, в таких широко употребительных словах, богатых производными, как «разить», «поразить», «выразить», «отразить», «изобразить», «возразить», «сообразить», «образовать», «образ», «обрезание», «образование», «отражение», «резать», «отрезок», «рознь», «разный», «разнообразный» и др. Все эти слова обозначают разные стадии и способы оформления вещей — выделения и выделявания их из бесформенного вещества.» И — «Разное — это собственность Раза». Но *разный*, обозначающий инакость, самобытность, особость, вряд ли со знаком плюс указывает на распространение владений РАЗа. В слове заложено понятие скорее розни, нежели многообразия, розни вместо того сакрального «враз» и «разом», на котором настаивают разовцы. Всё разом и все разом, а не поврозь! «Эх, раз, еще раз, еще много, много раз! Лучше сорок раз по разу, чем один раз сорок раз». Сегодня уже и непонятно: чем же это сорок раз по разу лучше? А вот тем и лучше: тут присутствует тот самый нераздельный, неразменный, порывистый, единый, огненный РАЗ, а не раздробленное действие, даже при том что сорок — сакральное число. «От этого „разом“ и „сразу“ — все вместе и одним махом — и пошла российская соборность, артельность, авральность» — самую суть толкуют разовцы.

А вот корень *рез* (чередование *раз-рез*, *роз-рез*), думается, вряд ли связан со стремлением к многообразию через деление и тем самым умножение объектов, ведь *резать* связано с понятием *разить*. Все в том же замечательном, увы, практически недоступном труде Сергея Дружинина, (которым, по счастью, владеет Михаил Эпштейн) сказано о РАЗе: «но его сущность — разделять, раздваивать. Нет милостивее и нет ужаснее, чем этот Единый и Двоящий Бог, в котором сама целостность осуществляется как удар и раскол.» Что же, логично считать, что РАЗ — тот, кто выделяет из общей массы, дает *образ*, индивидуальность, оформляет. Вероятно, в языке отразились обе прямо противоположные тенденции — разъединяющая, разящая — и объединяющая. Ведь разом можно не только что-то сотворить, но и одним махом поразить и уничтожить. Бог — он казнит и милует; от бога ведь и перешло потом это право к его помазаннику божьему царю.

Большое значение придают адепты РАЗа требованию и умению бога сплотить народ, который все способен делать **разом, сразу,**

дружно, сообща, всем миром, единым мощным усилием, сосредоточением воли. Коренная особенность русских – видимая «леность», что на самом деле есть накопление сил, ведущих затем к грозной моментальной разрядке.

Вот и «обыдѣнные» храмы (построенные «об одном дне»), добавим, – строились одним днем в силу коренного характера русских и соответствующих ему верований, в виду разового, мгновенного единого общего усилия по примеру создания божеством мира. Обыденные храмы до сих пор у нас здравствуют. А в сказках, где Иванушке предписано за одну ночь воздвигнуть дворец, дело не просто в скорости задания, а как раз в силе созидания единым, нерасчлененным, нераздельным во времени и пространстве, то есть **разовым** усилием. Эх, раз! Тогда заметим, что прежде всего именно одиночность, разовость действия равно как и одиночность, нерасчлененность, разовость, неповторимость объекта делает его священным. В сказках злодеи не случайно ведь героя расчленяют и разносят части по четырем сторонам света, пытаются лишить его священной силы и способности воскрешения. В целостности сила героя, сила в одиночности – один он такой. По примеру священной одиночности, единственности божества, многозначного и при этом цельного всеединого РАЗа. Вот и последующее христианство особенно ревностно настаивает на нераздельном триединстве Святой Троицы. Только единое и неповторимое, как укоренено в человеческом архетипе, может быть богом. Но тогда единобожие вытекает из самой сути религиозного сознания и монотеизма просто не могло не быть первоначально; более того, именно единобожие (ср. с последующим единоначалием, патернализмом и т. п.) лежит в самом основании религии.

... Откуда взялся этот РАЗ в его нынешнем звуковом оформлении? Вышел ли он из общего индо-европейского лона языков? Ответ на этот и подобные вопросы – достойная цель для исследователей. Был ли РАЗ единым богом или главой сонма богов и божков? Бог весть... **Разве** легко **раздвинуть завесы тайны...** завесы, противостоящей **развертыванию, раскрытию?** Слог за противостоит красноречиво слогу *раз*, он как бы перевертыш раскрывающего слога «раз». Это, прямо наоборот, приставка закрывающая, опускающая занавес..

Раскрывать закрытое – увлекательнейшая задача...

1/ горáздый, горáзд – «проворный, опытный, смысленый, видный»,

горáздо, горáзно – «сильно»; укр. гарáзд – «хорошо, счастливо», русск.-цслав. гораздъ – «опытный, ловкий», чеш. horazditi «бранить, бушевать, шуметь», польск. gorazd в именах собств. Сюда же негорáздок «слабоумный».

2/ грозá – укр. грозá, ст.-слав., болг. грозá, сербохорв. грòза «трепет, ужас», словен. gróza, чеш. hrůza, слвц. hrôza, польск. groza, в.-луж. hroza. Сюда же грозить, грожу́, ст.-слав. грозити и т. д. Родственно литов. gražóju, gražóti «грозить», латыш. grēzuôt «грозить, сердиться».

(Примечания даны по Этимологическому словарю Макса Фасмера.)

Мир и Иномирье

Осморица как Вечность

В старопечатной книге «Житие Василия Нового и видение ученика его Григория» в главе о конце мира читаем: «И воззре Господь на выпреннюю высоту – и бысть небо ново. И воззре Господь на безмерную глубину – и бысть земля блистающая яко цвет. И обновишася человецы, и вся быша нова: измени бо ся тление в нетление пришедши. Осморица будущему веку пришедши!» Осморица – восьмерка – имеет здесь значение вечности и бесконечности. Восьмерка графически изображает бесконечность: 8 – ∞. Но это не всё. Восьмерка, как представляется, связана с идеей бесконечности прежде всего семантически. Она идет после священной семёрки и располагается, следовательно, уже за гранью непосредственного человеческого восприятия, (семь предметов воспринимается одновременно, по наблюдениям психологов). Семёрка начиная с аккадско-шумерской и затем во всей индо-европейской культуре, в том числе славянской, воспринимается как символ полноты – семь дней недели, семь нот гаммы, семь цветов радуги и т. п. Семь блоков информации ложится разом в памяти. В церковно-славянском языке святая седмица – это полный сакральный цикл смерти и воскресения; следующая за этим ступенька – осморица – это уже век будущий. Это нетленность, вечность – основная категория, ядро христианского учения.

Когда Пушкин необычайно чуткий к архетипам и символам, как и все истинные поэты, опоэтизировал Тройку, Семёрку, Туз – он исходил из магически утроенного символа полноты. Тройка –

Троица, триединое, что означает две противоположности, объединенные синтезом. Семерка — о ней уже сказано, и Туз — знак Единого и Всеобщего, три в одном. Троица в Едином лице. Взятые вместе, «Тройка, Семёрка, Туз» дают образ всеобъемлющей полноты. Кстати, еще одна цитата из того же видения конца мира в указанной моей старой книге: в послании Господнем к сатане на огненном свитке написано: «яко скончася царство твое; царство бо три лета по всей земли». Три лета! Очевидно, что речь идет о законченном цикле царствования сатаны, (где лето — отрезок времени, условная единица).

Итак, тройка и единица — единое, всеобщее. Яйцо. Не случайно видеть во сне яйцо у славян обозначало скоро умереть: вернуться в единое, нерасчленённое; позднее — вернуться в недра Авраама или всепоглощающий свет.

Двойка же — дуальный принцип жизни как сочетания противоположностей, бинарный код бытия и культуры, В то же время двойка как чет связана со смертью, ибо жизнь — нечет, неуравновешенность, борьба, движение. Семерка — конечное число жизни, исчерпывающее; следующая за ней восьмерка — это уже то, что лежит за гранью чисто человеческого и связано с миром *иным* — с вечностью и бесконечностью. Кроме того, замечу, восьмерка — это удвоенная четверка, известный символ мироздания как бы сдвоенный! И тогда спросим — а не есть ли восьмерка символ нашего, видимого мироздания вкупе с миром *иным*, иномирьем или символ единения видимого мира с миром параллельным, как скажем сегодня!

Осморица или восьмерица — то, что лежит за гранью восприятия и что представить в реальности невозможно. Ни увидеть, ни описать. Но это возможно в видениях. Духовная литература говорит о несказанности, неизреченности невообразимости, «недомысленности», например, горнего Иерусалима. В «Житии Василия Нового», с которого я начала эти заметки, даже о райских птицах, например, говорится, что «ни о единой не мощно сказати, по образу какова бе». Настойчивое подчеркивание непредставимости царства Божия и его невоспроизводимости в земных условиях отцами церкви как будто бы предупреждает: не ищите царства Божия на земле... Ибо неосуществимо и кощунственно.

Идея несказанности иномирного опыта идет, я бы сказала, еще от языческих времен, относясь к вечным архетипам. В русских народных сказках о красоте царевны — часто волшебной,

«иномирной», повествуется привычной формулой «ни в сказке сказать ни пером описать». Красота в религиозной литературе стала символом божественности: небесные юноши в блистающих паче солнца ризах несказанно прекрасны.

Славянское сознание, (впрочем, как и любое иное полноценное), буквально заморожено несказанным, неназываемым, непредставимым. Сказки «Иди туда не знаю куда, принеси то, не знаю что» – отсюда, от ощущения присутствия в универсуме неназываемого, неведомого, непредставимого — и тем не менее сущего! (Интересно в этом смысле провести параллели с современной мистической литературой. У Лавкрафта есть рассказ, который так и называется – «Неименуемое»).

Итак, древнерусская осморица лежит в ином, неземном измерении. Замечательно, что, замечу, она и фонетически содержит ту же идею надмирности. Корень слова связан по звучанию с *мер* – *мор* – то есть **смерть** – **мера**. Сделаем неожиданное на первый взгляд сближение смерти и меры исходя из древнерусского, а впрочем, и общечеловеческого представления о мере как о качестве земного, временного, брэнного и тленного – по отношению к вечному и бесконечному, что меры не имеет по определению. Знаменитый библейский эпизод с огненными буквами на пиру Валтасара «Менел, текел, упарсим» – взвешено, сосчитано, измерено» – к тому же. Переполох и смертельный ужас пирующих понятен, потому что мера прямо связана со смертью. Измерить – призвать смерть. Известно, как в древности боялись пересчета скота, не говоря уж о переписи населения, вызывающей мистический ужас народа. Перепись закрепляла качество временности, брэнности перечисляемых существ и предметов. Неисчисленный – неисчислимый, бесконечный. *Суций*. Исчисленный – «пришпиленный» к месту и времени, конечный, долженствующий исчезнуть в небытии. Итак, смерть и мера — родные сёстры.

В ином мире времени нет, нет весов и мер. «Времени больше не будет»... («Апокалипсис»). В день всеобщего суда – Страшного суда – небо под взглядом Творца свернется подобно свитку, и земля претворится в огонь и прейдет паром, и родится новый, нетленный мир, где все без меры и без конца. Там восторжествует Осморица...

Пра-славянское съмърть (смерть, по Фасмеру) сопоставим со славянским корнем тър, где ъ редуцировался в «е» и с общим, индо-европейским мѐ в том же значении – мера (по Фасмеру).

Тогда получаем, что смерть идет с мерою, либо что смерть сама и есть — мера!* («В лесу казённой землемершею стояла смерть среди погоста», – скажет Пастернак в стихотворении «Август»).

Итак, смерть — это то, что отмеряло срок и пришло исполнить назначенное. Но осморица – по смыслу, по графическому изображению и по звуковому оформлению выражает глубокую мирообразующую идею о вечности и бесконечности.

Пасха 1998 года, Екатеринбург

** В литературе мне не встречалось ясных высказываний о причинах страха перед счетом и мерой; возможно, семантический и фонетический анализ проясняет хотя бы отчасти эту проблему.*

Михаил Сажаяев. Осень в деревне

Из прошлых мотивов...

Среди двора стоит престол...

Духовные стихи — яркий пласт религиозного фольклора. Стихи, присказки, заговоры и обереги еще встретишь по нашим доживающим деревням.

Фольклорная моя копилка на-днях пополнилась новыми стихами. Соседская богомолка называет их молитвами, скороговоркой читает по утрам и вечерам, вкладывая в слова жар еще недавно «коммунистической» души. Одна вера быстро и практически безболезненно сменилась у нее другой. Вернее так: тонкая корка напластований «новой морали» отпала, и под ней обнаружились давние, прочные, неискоренимые по сути языческие корни.

Своими сокровищами Клавдия Афанасьевна поделилась со мной, желая мне по-соседски и по-христиански всяческого добра.

Среди двора стоит престол.

Среди престола Божья мать

С тремя апостолы:

Господь, Петр, Гавриил.

— Господи, что нам делать?

Господь говорит:

— Оградитесь крутыми горами,

Синими морями,

Темными лесами.

Колдун придет не околдует,

Разбойник придет не убьет,

Вор придет не унесет.

Как бы из глубины небес виден «двор» — символ мироздания — и посередине престол, мистический центр мира, (что соответствует космогонии земного царского престола.) В центре три фигуры: Иисуса, апостола Петра и архангела Гавриила; все трое названы апостолами, причем Божья Мать — главное лицо, в чем явны отголоски древнейшего культа Богини-Матери.

«Царство мое не от мира сего», — Иисус Христос в канонических Евангелиях подчеркивает духовность своего владычества над душами людей. Однако в народном представлении Бог рисовался сидящим на зримом, материальном Царском престоле, которое народная фантазия помещала на небесах, объединяя небо и землю в одно неделимое целое. Да и как было не объединять их земледельческому народу, чьи урожай

и жизнь зависели от солнца и дождя? Языческого Сварога народ ритуально сочетал браком во время весенних игрищ с Матерью-сырой Землей.

Церковь помещает центр мира в Палестине, на Сионе, и можно видеть этот символически изображенный «пуп Земли» в Иерусалиме в храме Воскресения Господня. Но русское народное сознание делает Христа своим (до сих пор можно встретить утверждения, что Иисус Христос был русским) и помещает центр мира не в далекой Палестине, а среди знакомых просторов. На вопрос апостола Петра и архангела Гавриила, как уберечься от напастей, от гибели, Господь отвечает типично славянской сказочной троичной формулой: надо оградиться «крутыми горами, синими морями, темными лесами».

Интересно сравнить приведенный выше духовный стих «Среди двора...» с известным апокрифом «Хождение Богородицы по мукам» — русским вариантом византийской повести, появившейся на Руси в XII веке и популярной в Средние века. Суровый этот апокриф, направленный против разного рода грешников, живописует муки ада и милосердие Всеблагой; под его воздействием на Руси создавались многие духовные стихи и иконы. Первые мученики ада, о коих Богородица спросила своего проводника по преисподней архистратига Михаила: «кто сии?» — были не кто иные, как язычники: «Сии суть, иже не вѣроваша во Отца и Сына и Святаго духа... но боги прозваша: солнце и мѣсяц, землю и воду, звѣри и гади... того ради здѣ тако мучатся»... Сюжет еще в XII веке направлен против обожествления тех самых гор, морей и лесов, которые сегодня (!) все еще (или опять?) торжествуют как полноправные участники вселенских, космических событий. Сообщившая мне народную молитву «Среди двора...» и верящая в ее оградительную силу «носительница фольклора» — пожилая женщина с высшим образованием. Молитва не вызывает у нее сомнений, и она принимает как должное древний, легендарный постулат: волшебную, магическую, языческую по сути силу гор, морей и лесов призывает сама Богородица! Всеблагая здесь выступает как древняя языческая Мать всех стихий.

...За темные леса, за синие моря, за высокие горы... Троичность в народных молитвах, в отличие от прекрасных псалмов Давида, которые используются в качестве молитв в современной Церкви, формирует образный строй и ритмику народных текстов. О ритмике гениальных псалмов Давида, далекого праотца Иисуса Христа, о том, как они звучали на древнем языке, — особый разговор. Русский язык через перевод с греческого не мог, понятно, воспроизвести чужую ритмику и мощную, первородную силу живого звука с его древней, мирообразующей энергетикой. Но русский народ создал свои молитвы, со своей национальной ритмикой и звукописью, которые в лучших образцах, особенно в таинственных заговорах, отражают также мощную космическую энергетикку в ее убыстряющихся темпах и завихрениях звука, доводящих до экстатического состояния. Тогда ведомы становятся прошлое, настоящее и будущее...

В религиозном фольклоре русского народа библейские образы заменены своими, понятными на Руси. Ведь иные метафоры, близкие древнему жителю Востока, остаются для русского уха подчас пустыми риторическими фигурами. Скажем, пресловутый «камень преткновения», поминутно встречающийся в Библии, ничего не говорит вам, пока вы собственной ногой не ступите на узкую каменистую тропу Синайских гор, где неверный скользящий камушек может стоить жизни. Иное дело духовный стих «Сон Марии»:

Ищут Христа. Поймали,
На купоросном кресте распяли,
В руки-ноги гвозди забивали,
На голову терновый венок надевали.
Кровь лилась рудою, чистою водою.
С неба ангелы слетали,
В золотую чашу кровь-руду собирали,
До земли ее не допускали.

Замечательно, что этот старинный духовный стих живет до сего дня в народе как молитва (сообщена той же Клавдией Афанасьевной). И все еще «работают» древние символы.

Кровь-руду ангелы собрали, не позволив ей пролиться на землю, — это значит, не допустили соединиться с прахом, началом плотским, временным, земным, не дали стать частью брэнного материального мира. Оставшись вне земли, святая кровь сохранила высшую, божественную сущность и способность к воскресению. «Кровь лилась рудою — чистою водою...» Кровь как воды мира, символ вечных живительных вод (языческая живая вода!), помещенная в священный сосуд. Образ золотой чаши, куда собралась кровь Иисуса (по Церковной традиции, ее собрал Иосиф Аримафейский, что испросил разрешение похоронить Христа), перекликается, с одной стороны, с образами русских сказок, а с другой — с чашей Грааля, таинственным кельтско-христианским символом. Впрочем, образ Грааля не принадлежит какой-то одной культуре, одному времени, но означает то сокровенное, без чего жизнь человечества неполна. Это образ Центра мира, символ узла, связывающего мир в единое целое.

В народных духовных стихах «Сон Марии», что «шла из Иерусалима, легла и уснула», видим образ страдающей матери. Хотя «Сон» ритмически менее упруг, чем завораживающий «Среди двора стоит престол» с его чарующей звукописью, но и он не менее интересен по сюжету. Прочтем концовку:

Кто эту молитву знает, того
Господь спасает
От воды и от потопа,
От огня и от пожара,
От зла человека, от лютого горя
В пути и дороге.

Здесь ощущение стихий: воды-потопа, огня-пожара, зла человека-лютого горя; при этом зло, содеянное человеком, пишется в строку с природными бедствиями. Воле человека (особенно злого) придается огромное, даже космическое значение. Ведь в стихе «Среди двора...» синими морями и высокими горами отгораживаются от колдуна, вора и разбойника сами святые апостолы!

В произведениях народного религиозного творчества явственны древнейшие представления о мистической силе «знающих людей» (знахарей, колдунов, ведъм, ведунов). В этом понимание огромной роли личностного начала человека. О том же говорит и впечатляющая при чтении древнерусских текстов частица «ся» (редуцированное «себя»), возвратная форма таких глаголов, как «рождаться», что само по себе удивительно (во французском языке, например, возможно только «быть рожденным»). В том же «Хождении Богородицы по мукам» Всеблагая, глядя на грешников, тяжко страждущих в аду, вздыхает: «Тяжко согрешающим да бы ся не ражали». «Ся не ражали»! Получается, что уже сам первоначальный акт появления человека на свет как бы учитывает его собственное участие и волю, его душу (бывшую еще до рождения).

...Феномен средневековой личности в отечественной литературе не только не изучен, но, кажется, до сих пор даже не обозначен: принято говорить о коллективном сознании средневекового человека. Там еще не выделилась якобы индивидуальность из общей массы, и начало личности лежит в эпохе Возрождения. Между тем, не говоря уже о колдунах и разного рода участниках магических обрядов, человек, как представляется, наделялся в народном сознании мистической силой, элементами космических стихийных могуществ. Не только Солнце, Ветер, Вода и прочие элементы стихии были могущественны (отголоски этих стихий несли в себе знахари), но всякий человек был к этим силам приобщен и ими охвачен. Это та стихийная сила, которая, как пламенем пожара или силой бури, обуяла могучую натуру «вожатого» Пугачева у Пушкина в его «Капитанской дочке». Это та энергия и воля человека, что в народных верованиях, еще дохристианских, играла роль не только на этом, но даже и на том свете. Эти языческие силы позднее вошли, как представляется, составной частью в христианское понимание души, которая всякого человека делала предназначенным к жизни вечной.

Атеизм, кричавший о том, будто человек раскрепощается от рабской зависимости от Бога, на самом-то деле человека при-нижал. Атеизм лишал личность роли посредника между Не-

бом и Землей, Богом и Миром, лишал значимости отдельную волю с ее свободным моральным выбором и личной ответственностью пред Творцом.

Приведу в связи со всем вышесказанным еще короткое заклятие от разбойника из моего собрания народных молитв:

Крест креститель, крест хранитель,
спаси нас, сохрани нас
от ветра, от бури, от лихого человека!
От мужика-ворóтника,
от бабы ворóтницы,
от девки-колдúницы!
Кто молитву эту помнит, того
не тронет ни вор, ни разбойник.

Здесь стихии языческие приравняются к воле лихого человека, вернее, лихой человек воспринимается как природная стихия. Кажется, всю «Капитанскую дочку» Пушкина можно представить как развернутую народную формулу приведенной молитвы-оберега: «от ветра, от бури, от лихого человека!» Логически - эмоциональный ряд впечатляет: буря и лихой человек как однопорядковые явления, как явления стихийных, космических сил.

Мужик-ворóтник (с ударением на втором «о») и баба-ворóтница — это оборотни, колдуны. В слове «воротник» слышится вывороченная мехом наружу шуба шамана (сибирские верования оказали влияние на религиозные воззрения русских). Слышится тут и приворотное зелье, и способность обращаться волком, свиньей, птицей, согласно народным поверьям о колдунах.

Русский колдун, в отличие от среднеазиатского или сибирского шамана, не составлял особой замкнутой касты, колдуном мог стать всякий; всякая бабка, которая «много знает», вольна выбирать свой род занятий и состояние души. Равно как и всякий человек мог возвысить свою душу до понимания Бога и приблизиться к святости. Сама Божья Мать в народных представлениях близка деревенской, крестьянской матери с ее жертвенностью и милосердием.

Странники

На одном конце иерархии русских типов – разбойник, вор-босьяк, и ещё злой колдун, на другой же – добрый знахарь, божий человек или не от мира сего юродивый. Странник-богомолец. Странников почитали, о них пели на Руси, много их рисовали русские художники. Особенно много чудных картин на тему странничества у Перова. Народные духовные стихи безымянных поэтов распевались щедро в доволюционной России.

Странник

Народные духовные стихи

- Ты куда идешь, скажи мне.
Странник с посохом в руке?
- Дивной милостью Господней
К лучшей я иду стране.
Через горы и долины,
Через степи и поля,
Через леса и через равнины
Я иду домой, друзья.
- Странник, в чем твоя надежда
Во стране твоей родной?
 - Белоснежная одежда
И венец весь золотой.
Там источники живые
И небесные цветы.
Я иду за Иисусом
Через жгучие пески.
- Страх и ужас незнакомы
Разве на пути тебе?
 - Ах, Господни легионы
Охранят меня везде.
Иисус Христос со мною.
Он направит Сам меня
Неуклонною тропею
Прямо, прямо в небеса.

– Так возьми ж меня с собою
Где чудесная страна.
– Да, мой друг, пойдем со мною,
Вот тебе моя рука.
Недалёко уж родная
И желанная страна.
Вера чистая, живая
Нас ведет с тобой туда.

Пошел я вновь бродить, уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.

А. С. Пушкин. Странник

Бродяга...

Гол как сокол. Ни кола ни двора. Где день где ночь. Среди пестрых многообразных сословий населения старой России одной из самых колоритных была фигура бродяги. Бродяга Байкал переехал – классика, почти национальный гимн.

Что же такое бродяга? Человек без роду и племени, часто без паспорта и документов, сознательно отсекающий прошлую жизнь и подавшийся на чужбину. Нередко вынужденный скрывать настоящее имя и переменить внешность; широкая окладистая борода – приметная принадлежность бродяги. Как посох и сума; посох обычно с железным острием для хождения по льду рек. Чем он занимается, кроме того что бродит от села к селу в сермяге и лаптях с опорками летом, в чем Бог послал – зимой? Зимой, впрочем, он нередко пересиживает на случайных приработках на хозяйских харчах и под хозяйской крышей. Если повезет, «приживает» Христа ради у купца, у богатого мещанина, а то и у самой княгини, что под старость лет задумала благодеяниями спасти свою душу.

В.И. Суриков. Странник. 1886 год

Принадлежа к негласно узаконенному сословию русского общества, бродяга имел и свое особое, ему одному предназначенное за-

нятие. Он не то же самое, что нищий, хотя нищему брат. Ему больше перепадает сочувствия, его ласково кличут странничком Божьим, и для него самого нет больше чести, как называться странником. «Всю тебя, земля родная, в рабском виде царь небесный исходил благословляя», по слову Ивана Алексеевича Бунина. Сам Господь в виде странника бродил по Руси, осеняя благодатью им посещенные места, о том сохранились апокрифы. В память о земном пути Христа русские странники бродили по матушке России, отмаливая грехи. Верхним своим краем бродяжничество, этот уникальный русский феномен, смыкается со странничеством и юродством.

Странника во всяком благочестивом христианском доме встречали радушно и сажали за стол, желая послушать своеобразного вестовщика, переносчика новостей. Странник Божий, переходя из села в село, из деревни в деревню, бывая и в городе, создавал, как бы мы теперь сказали, единое информационное поле. Угостив странника, его обычно в уставных, традиционных выражениях просят поведать о том, что делается на белом свете. И тут от странника-бродяги требуется немалое искусство рассказа, умение владеть словом, повествовать об увиденном и услышанном ярко, живо, в лицах и диалогах. Таким-то образом бродяга нередко оказывался своего рода артистом, носителем устной фольклорной традиции; мог он исполнять духовные стихи, изображать народные сценки и проч. Умиленно-торжественный, богомольный настрой легко и органично сменялся у бродяги настроением веселым, озорным, балаганным, скоморошьим. Границы здесь порою шатки — от богомольца-паломника до калики перехожего и скомороха.

Классический бродяга скажет: богат не тот, у кого всего много, а тот, кому ничего не нужно. Часто бродяга был беспаспортный отщепенец, отовсюду гонимый лохмотник, ночлежник, обитатель знаменитых петербургских трущоб, человек дна, голь перекатная, добыча ночных полицейских облав. Едва-едва маскировался он, пока еще не утратил человеческий облик, под очарованного странника, хоть им и не был. Нередко это доморощенный философ, краснобай... Но жизнь безжалостно многих толкала на дно, и вот уже перед нами вор или мошенник...

Два рассказа

Простить...

Дрогнула еловая лапа, посыпались тяжелые капли, и на мокрую тропу, поросшую осокой и мятой, вывернулась дюжая фигура в потрёпанном армяке. Небо затянуто хмарью, только над поросшими лесом сизыми увалами светится узкая полоса утренней зари. Могучие холмы — увалы по-здешнему — охватывают горизонт широкой плавной дугой, в их спокойном величии угадывается творение Бога. Но на горы не смотрит бродяга. На его худом обветренном лице со сдвинутыми к переносью мохнатыми бровями покоится ленивое, сонное выражение, серые глаза мутны. Запахнув потуже полы армяка, он вяло глядит на тропу и прислушивается к близящемуся треску сучьев. Должно быть, путник направляется с хутора Татаринки в большое село Иргино, куда из окрестных деревень на праздники стекаются купцы и богомольцы. А нынче аккурат Никола вешний. Бродяга ёжится от резкого ветра. Но вот из-за поворота тропы возникает фигура в кафтане добротного синего сукна. В таких водятся потайные карманы с тугими кожаными кошельками. А если и не разжиться деньгами, в дальней глухой деревне можно обменять добрый кафтан на хлеб и мясо. Гунька схватился рукой за кушак, сонное выражение в зеницу ока слетело с его лица, брови сдвинулись, губы решительно сжались, в глазах мелькнуло короткое, острое возбуждение, требующее немедленного выхода в действие.

— Здравствуй, дядя! — глумливо провякал он гугнивым голосом — отчего и получил в каторге свое прозвище, а имя вроде и сам позабыл — и в то же мгновенье выдернул из-за кушака блеснувший нож, левой рукой ухватив встречного за расшитую красной гладью полу кафтана. В глазах встречного щуплого, что цыплёнок, метнулся ужас. Было очевидно, что он безоружен и беззащитен. Ужас жертвы обычно доводил Гуньку до последней мучительно-сладкой точки и инстинктивно выталкивал молодую крепкую руку для удара. Но он замедлил, неосознанно ощущая необходимость своего

рода обряда перед лихим делом, к тому же, чаще всего встречный на глухой тропе раскошелливался добровольно. Гунька в одном месте подолгу не задерживался — вышел из леса, а там ищи-свищи! Прохожий замер и смотрел заворожённо, но не на руку с ножом, как положено жертве, а в лицо Гуньке, прямо в большие серые его глаза, вспыхнувшие дикой радостью, и выдохнул почти шопотом: — Не замай душу без покаяния, — видно, голос ему изменил. Если бы стал он просить о пощаде, Гунька тотчас кончил бы дело. Но тут понял и удивился, что когда — случилось то уже дважды — доходит до мокрого дела, он лишает своих жертв последнего покаяния, и сейчас приспустил наставленный было в грудь встречного нож. Теперь он увидал и лицо мужика, уже довольно старое: сухощавое, с тёмными глазами, с куцей, наполовину седой бородёнкой; лицо как лицо, только сейчас бледное, как льняное полотенце. Непослушными пальцами мужичок расстегнул у горла кафтан, видно, нащупывая нательный крестик, и поднял глаза горё:

— Иже еси на небеси... да святится... да приидет... Господи, отпусти грехи мои, ведомые и неведомые, — и Гунька, слушая, мысленно одобрил краткость с детства позабытой молитвы. Но мужик затеял еще про злобы и лжи мирские, и Гунька подумал: красно баёт, как по-писаному. Видно, правду говорили на каторге, что здесь, на уральских государственных землях, живут богатые, грамотные люди. Почти что заслушался Гунька: да ведь со времени побега из сибирской каторги он, считай, и не слышал человеческой речи.

А путник вытянул наконец серебряный крест и продолжал с каждым словом крепнувшим голосом:

— А еще молю тебя, Боже, о каторжнике, погубителе моём, знаю, грехи его тяжки ... Но и в сей сосуд вдохнул ты, Господи, душу живу... прости ему, не ведает, что творит...

— Эк, что ему до моей-то души, — вздрогнул Гунька, дёрнув и поводя рукой с ножом, словно пытаюсь удержать ускользающий нерв «дела». Пять лет тому назад, еще не гунькой с перебитым носом, а красивым парнем Егором, был он деревенским гармонистом, и во всяком начинании ему важен правильный, налаженный ритм.

— Помилуй его, Боже, ибо сон и тлен в душе его — вёл своё старик, — и нет чернее муки, чем в сердце убийца. — Гунька так и дёрнулся к открытой шее старика, подъятой к влажному, набухающему дождём небу; красный фланелевый шарф молящегося размотался, обнажив кадык и струясь красной полосой через всю грудь, а конец шарфа ветер уткнул прямо гуньке в рожу. Отбросив шарф, бродяга прилип взглядом к хрящеватому углублению под выступающим кадыком старика, эта ямка виделась мучительно-ясно, до рези в глазах, но с тою же мучительной резкостью отпечатлевалось в гуньке каждое слово молящегося, и чудилось: не услышь конца этого разговора с Богом, — не угадаешь чего-то важного. А забрало не на шутку: чем-то закончит старик?

— Господи, прости мне грех убийца, в коем и аз повинен, яко и он, ибо каждый за всех виноват, — истово выдыхал мужик. Голос его вернулся вполне, хоть был тих, а лицо дышало глубокой и сильной верой.

— Отпусти, Боже, кровопролитие... — (а стиснутые Гунькины губы, меж тем, давно уж разжались от изумления) — Ибо все мы дети Твои и связаны воедино... — слышал Гунька. И две фигуры в лесу представились ему вдруг звёнышками в широко раскинутой человеческой сети, выдерни одно — всё всколыхнется.

– И каждый за всех виноват, – вел свое старик. Парень как-то разом обнял взбудораженным воображением обиды, притеснения, расправы, что вершатся на белом свете, и его ужаснуло громадное бремя зла. Как возможно вынести это бремя? И кто смеет взвалить это бремя на него, будто бы тоже за всё и за всех виноватого?

— Убью-у, — прошипел он, ёжась в ознобе. С конца ножа, блестящего, нацеленного в живое тело мужика, струились холодные гальванические токи, но не возбуждали чувства охоты.

— Прости, Боже, преступление сие, — старик в последний истово перекрестился и, бросив руки вдоль тела, наставил на бродягу странно блестящие глаза. Он ждал, но не смиренно, а как бы с вызовом, чуть не с нетерпением. «Что делаешь, делай скорей», вспомнилось вдруг Егору давно позабытое, будто кто

шепнул ему на ухо слова Иисуса Иуде. Старик поднял газа горè, застыв неподвижно, и это окончательно повергло бродягу в хаос, выведя из себя.

— Ты что за мой-то грех прощаешься! — выкрикнул он глухо, голос его сорвался.

— Твоя ноша тяжеле моей, — важно отвечал старик, — я должен разделить твой грех, — и как бы даже и улыбнулся.

— Да ты что радуешься? Раздели-и-ить! Кто ты таков? Бог что ли, стращать или прощать? Только Бог все грехи на себя берет... — Но странно светятся в ответ глаза старика, и вся седоватая голова его — ермолку уж давно он скинул — вся фигура, как маревом, окуталась светом. Может, то всходящее солнце ударило поверху, по ветвям ёлок, лучами затопило глухую тропу. Но странная, непривычная, неясная еще мысль пала в голову бродяге, так что он задрожал — от страха и от неведомой сладостной боли... Голова у него закружилась. Он потянулся перекреститься, и этот жест показал, что правая рука его занята ножом. Гунька повел плечами, стряхивая грёзу.

— Ну вот что, ты это брось... тронутый ты, видать, а не бог. Ишь кадык выставил, что баран. Ты вот что ... я тронутых не замаю. Бежи отсюда! — прикрикнул он на старика, но голос сдал. — Проваливай, да проворней! — и, судорожно вздохнув, будто отпустило, бродяга совсем отбросил нож и опустил занемевшую до колких иголок правую руку. — Ну, что глядишь? Что хочу то и ворочу!

Старик смотрел на Егора сверкающими глазами. Губы его шевелились, но он ничего не сказал, а поклонился бродяге в пояс, повернулся и, пошатываясь, тихо пошел по влажной от утренней росы тропке.

Небо просветлело на востоке, узкая полоса разлилась уже на полнеба, с верхушки увала в долину сползала ярко зарозовевшая шапка тумана.

А Егора схватила за сердце тоска по родному, далекому, неизжитому... Отблеском мелькнули низкие избы в цветущих пахучих черёмухах, стадо, бренчащее колокольцами на широкой деревенской улице, пахнущее теплой пылью и молоком. Как наяву явилась и босая русокося Танёшка...

Много что мелькнуло – мелькнуло и пропало. Иль затаилось до поры?..

Егор опомнился, как бы с изумлением посмотрел на валяющийся в траве нож, подумал, поднял его, вялой рукой сунул за пояс и ступил в чащобу прочь с узкой лесной тропы.

Деревня Пантино. 12 июля 1973 года, Петров день.

Пострадать...

Глухая ночь за окном. Полная луна струит бледный свет на пустынную дорогу, а в горнице высокое пламя свечи играет бликами на золоченом окладе, на строгом лице Спаса Нерукотворного. Иван Платонович лежит без сна с широко раскрытыми глазами. Нынче вечером он истово бил поклоны без счёта пред бездонным всевидящим зраком: «Ты всё видишь, всё Тебе ведомо, Господи. Прими в день грядущий душу раба Твоего...»

Иван Платонович готовится *пострадать*. Предать себя мученической смерти и тем обрести вечное спасение. С первым светом он отправится вдвоём с Ариной к Егоршинову логу за семь вёрст от деревни. Пойдут пешком, лошадь губить не для чего. В логу ещё держится августовский сладкий малиновый дух; потом Иван повернёт вдоль лога налево до Устьяниной болотины. Арина же заберёт вправо, туда, где за студёным ключом начинаются орема́. Там даже в ясные, тёплые дни стоит прохладный, пахнувший влажной грибницей сумрак. Хозяйство Платоныч оставляет в полном порядке, а дела общинные передал Никифору, мужику справному и набожному. Впрочем, о мирском сейчас думается мимоходом и словно издалека. Не слушает Иван Платонович привычного чиканья ходиков, ни длинных вздохов жены, доносящихся с печи, и, вытягиваясь на лавке сухим жилистым телом, застывает с торжественным выражением лица.

С рассветом, уже вот-вот, он будет лежать на болотине, до мяса изъеденный сибирской мошкой. Нагое тело будет сначала нестерпимо зудеть и гореть; он будет выдирать мошку руками, пока не выбьется из сил; потом тысячи тонких игл вопьются в

тело, и оно, искусанное и расчѣсанное до мяса, испытав предел страдания, отерпнет и обесчувствует. А потом придѣт забытье... И это будет последней ступенью в царство духа, презревшего страдания брнной плоти, входом в вечное царство, где нестерпимым, ослепляющим светом сияет Истина, вожделенная, недосыгаемая на грешной земле.

...С печи доносится тяжкий вздох. Арина тоже не спит. Душно в горнице, пахнет растопленным воском, и тяжело, натужно дышит под боком у Арины Васятка. Болезный он, осьмой уж годок пошѣл, а мал да худ как пятилеток, а тихий какой, всё чего-то думает, а то вдруг так поглядит, будто знает что неведомое, даже перед ним как-то неловко станет.

Васятка перевернулся и застонал во сне, видно, опять болят ноги. Застудил когда пас на болотине — жестокое гоненье изнуряло староверческую общину. Ныне вышло послабление, луга вернули, да надолго ли, кто знает... Ох, стонет малый. Знать, разогреть опять коровьего масла да натереть ему ножки. Поправив ситцевое лоскутное одеяло, Арина слезает с печи и, неслышно неся грузное, но нестарое, ловкое ещё тело, крадучись идѣт в сени. Увидав, что муж не спит, шагает уж не хоронясь, шуганув ленивого чѣрного кота, разлегшегося на пороге. Достает в сенях крынку масла, ставит в печь, прикрывает заслонкой. Скрипит половица, звякает заслонка, всё как обычно, а всё будто внове, как чужое Арине...

— Стàря, ты здесь? — Васятка сдвигает цветастую занавеску на печи, светлую и в полумраке головою свешиваясь с шестка. В больших, широко расставленных глазах отражается пламя свечи, и от колебания света личико его кажется переменчивым, испуганным.

— Тут я. Ты чего стонал? Ноги болят?

— Не-а. Старя, полезай сюда. Мне спросить надо.

— Погоди. Вот масло нагрѣю, тебе ножки натрѣм, — отвечает Арина внуку, опасливо оглядываясь в угол, где шелестит сухой шѣпот молитвы. Иван опять на коленях, бьет поклоны. Арина лезет на печь, и внук берѣт её большую тяжѣлую ладонь в свою сухую горячую руку.

— Старя, а правда, говорят, ты с дедом меня бросить хочешь?

— Какой это аспид тебя надоумил? — вырывается у Арины, но тут же она поперхнулась, сообразив, что ведь нынешним утром они уйдут из мира, собираясь на свой подвиг самоотречения. И она отворачивается от больших глаз ребёнка с их смущающим выражением.

— Спи-ко, батюшка.

— Ведь не бросишь, правда?

— Вот удумал — брошу! Да кто это бросит своё дитя? — шершавой ладонью бабка гладит мягкие волосы внука, и он засыпает, сладко прижавшись к родному, тёплому телу. А бабку одолевают мысли, будоражат, опаляют. Пострадать — дело святое, ко спасению души ведущее... Да, а что станет с Васяткой? Отправит его община к Кондратию, непутёвому их с Иваном сынку, пьянице и шелопуту — загубят паренька. Справный мужик был Кондрат, а как нашли Васяткину мать на дороге в город, загрызенную волками, — вспоминать про то мочи нет ... — с той поры запил горемыка. Днесь опять драку учинил принародно. Ивану-то мир зятем глаза колет. Да уж не от того ли позора затевается Платонычем мука?..

— Иван Платонович, — Арина шепчет, выждав, пока прервется шелест молитвы, — а что как Васятку Кондратию отдадут? Отец ведь как-никак парнишке.

— Вчерась говорено: мир подымет, — строго отозвался вполголоса муж, и Арина не решилась уж дальше спрашивать.

Вчера близкие по духу люди подтвердили, что не оставят сироту. Староста Иван Платонович на сходе суровую речь говорил о великих грехах, в коих погрязла староверческая община: лень, корыстолюбие, ложь, несоблюдение обрядов, считай, небрежение верой отцов. Потом избранным, ближайшим, поведал о намерении *пострадать*, искупая грехи общины, и взял обещание, что внука не оставят. Последний год слыхивали не раз от него обличительные речи. Принимали по-разному: стали кто побаиваться Платоныча, кто злобствовать, а кто и посмеиваться: мир учит, а в своей семье порядка нет. Так что же? Пострадать за грехи свои, и сына своего, и всей общины... Глаза Ивана Платоновича на сухом лице горят неистово, и что могла ему возразить жена, когда он сам шёл и её звал на великий подвиг? Что могла она

противопоставить, говоря про внука, про любовь к плоти от плоти своей — к праху — подвигу духовному? Арина никогда за сорокалетнюю совместную жизнь не прекословила мужу. И вчера в моленной дала обет смерти в один день с ним, но порознь, в одиночку, в лесу за болотиной. Отречься обета? И подумать невместно, грех то великий и вечное проклятье.

Васятка во сне вскинул руку, попал Арине по шее, а ладонь-то до чего горяча! Оно, конечно, община парня не оставит, да всякий знает что чужие люди, а что свои. И вот как проснется внук — а бабки уж нет, и он один... Как ему объяснят? Отступить обета — гореть в геенне огненной неисчислимые тыщи лет... — Арина так живо представляет эту геенну, знакомую с детства по святоотеческим книгам, всю в красном пламени, с большими чёрными котлами, откуда торчат головы грешников с развёрстыми ртами... мурашки бегут по спине.

Вот Васятка проснётся, а её рядом нет, и в избе нет, выбежит в сени, во двор — и там нет! А обещала: не брошу!

Кукушка на часах скуковала четыре раза. Арина вздрогнула. Скупой серый свет уже просочился в горницу — с вечера нарочно не затворили ставен.

— Время, — глухо промолвил Иван Платонович и поднялся с колен пред иконой — прямой, жилистый, с острой, торчащей вперёд бородой с проседью и залысинами на высоком выпуклом лбу. Он показался сейчас выше ростом, а лицо его будто окаменело, и от носа к губам углубились длинные складки, как на иконных ликах...

Арина сошла с печи, оглянулась на светлую и в сумерках голову мальчонки, на слабо белеющую тонкую шею и разметавшиеся во сне руки, и, как была, повалилась мужу в ноги: — Прости, батюшко, грешницу окаянную! Духу не хватает на подвиг твой великий. Прости малодушную, не могу отрешиться от дитяти, плоти от плоти моей... — Молча стоял Иван Платонович, и лицо его не изменилось, только будто еще бледнее стало. Он глядел на женщину будто не видя — и вдруг поклонился ей низко, до земли. И повернувшись молча, твердо зашагал прочь из избы.

1978 год, Екатеринбург

